

Терри Гудкайнд

Саван ВЕЧНОСТИ

«Хроники Никки. Том 2»

Terry Goodkind

Shroud of Eternity

The Nicci Chronicles

Перевод с английского *Dr. Pertseff, Татьяны Алексеевой, Алены Булавиной, Prea_Starl и Дмитрия Великого*

Под редакцией *Дмитрия Великого и Татьяны Алексеевой*

Компьютерный дизайн и обложка *Дмитрия Великого*

Выпускающий редактор *Дмитрий Великий*

Помощник выпускающего редактора *Дина Зайцева*

Корректор *Татьяна Гладышева*

Руководитель группы перевода *Дмитрий Великий*

Старший переводчик *Татьяна Алексеева*

Грозная колдунья Никки, недавно лишившийся своих сил Натан и юный Бэннон отразили набег норукайских работорговцев в бухте Ренда, и теперь им предстоит новая задача: Натан должен восстановить свою магию, а Никки — спасти мир.

Троица, ведомая загадочным пророчеством ведьмы Рэд, идет на юг от Кол Адаира, к чудесному городу, сокрытому пеленой времени, — к Ильдакару. Но на пути к спасению Натана им встречаются зловещие знаки: насаженные на пики головы норукайцев, сотворенное кем-то чудовище и окаменевшая полумиллионная армия.

И это лишь первые предвестники невообразимого ужаса, что ждет их под саваном вечности.

Информационные ресурсы:

vk.com/mord.sith.club — Группа перевода «Клуб Морд-Сит»

terrygoodkind.ru — Поклонники Терри Гудкайда

vk.com/terrygoodkindru — Подслушано Меч Истины

*Будущее и судьба зависят как от путешествия,
так и от его цели.*

*Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира.
Оказавшись там, волшебник узрит то, что
поможет ему вновь обрести целостность.
А колдунья спасет мир...*

Глава 1

Гниющая человеческая плоть сверкала в солнечном свете, обесцвеченная разложением. Запавшие глазные яблоки превратились в желе. Челюсти безвольно отвисли, неестественно широко раскрывшись из-за отвратительных шрамов поперек щек. В разреженном прохладном горном воздухе Никки сначала не почувствовала запаха гниения. Одетая в черное дорожное платье колдунья отступила, рассматривая четыре отрубленные головы, насаженные на длинные деревянные пики — по две на каждой стороне каменистой дороги.

— Чары сохранения слабеют, — буднично и без страха сказала она. Вид смерти никогда ее не впечатлял. — Я не знаю, как долго головы торчат здесь в качестве предостережения, но вскоре они начнут распадаться. Налетит много птиц и мух. — Холодный ветерок взъерошил ее светлые волосы, когда она повернулась к своим спутникам.

Натан Рал положил руку на богато украшенное навершие своего меча и подошел взглянуть на отвратительное зрелище. Бывший пророк и волшебник потерял обе свои способности после перемещения звезд, когда Ричард запечатал завесу подземного мира. Фундаментальное изменение во вселенной искоренило пророчество и изменило законы магии, и последствия этого пока еще оставались неизведанными.

— Норукайцы и при жизни весьма уродливы. — Он двумя пальцами погладил свой чисто выбритый подбородок. — Смерть и подавно не улучшила их облик.

Никки вспомнила, как беспощадные налетчики со шрамами на лицах атаковали рыбацкую деревню в бухте Ренда. Жесткие работорговцы многих убили, сожгли часть деревни и захватили пленников. Их корабли с носовыми фигурами жутких морских змеев были узкими и мощными, а магия наполняла ветром темно-синие паруса.

Для того чтобы их лица больше походили на змеиные, норукайцы разрезали щеки от уголков губ, а потом грубо зашивали рану и наносили на кожу татуировки в виде чешуи. Никки своей неистовой и безудержной магией изгнала отвратительных налетчиков из бухты Ренда, а Натан и юный Бэннон сражались своими мечами. Потерпев поражение, норукайцы отступили в море.

Когда путники спустились с гор по еле заметной тропе, то перед ними возникла загадка — почему отрубленные головы оказались в глубине материка, на дальней от моря стороне гор? Никки не видела в этом никакого смысла.

— Ненавижу норукайцев, — пробормотал Бэннон, бурявивший взглядом головы. Его приглушенный голос напоминал рычание Мрра, песчаной пумы, которая нервно расхаживала перед шестью с разлагающимися головами. — Я ненавижу их за то, что они сделали с бедными жителями бухты Ренда, но еще сильнее я их ненавижу за налет на остров Кирия и похищение моего друга Яна. — Голос его сорвался. — Они и меня пытались забрать... — Он вытер пот с веснушчатого лба и откинул назад длинные рыжие волосы.

В гневе Бэннон сшиб ногой ближайшую пику. Отрубленная голова слетела с шеста и покатила по земле, а потом с глухим треском ударила о скалу неподалеку от тропы. От удара от головы отвалилась челюсть. Когда заклинание сохранения рассеялось, началось запоздавшее гниение, наверстывавшее потерянное время.

Никки наблюдала, как смердящая кожа таяла и сползала с черепа, точно топленое сало. Глазные яблоки вылились в блестящую лужицу, которая впиталась в грязь, оставив только пятно гноя.

Бэннона едва не стошнило от этого зрелища, но в следующую секунду на его лице застыло удовлетворение. Он повернулся к оставшимся столбам, собираясь повторить удар, но Натан поднял руку.

— А теперь, мой мальчик, хорошо бы все обдумать. Кто бы ни оставил предупреждение, он сделал это не без причины. И, как ты хорошо знаешь, работорговцы нам совсем не друзья. — Ноздри его сузились, но, казалось, его совершенно не беспокоили отвратительное зрелище и зловоние. — Значит, кто бы ни насадил на пики эти головы, он может оказаться нашим союзником... или, по крайней мере, врагом наших врагов. Не хотелось бы разгневаться им.

Бэннон нервно положил руку на рукоять своего надежного меча, который называл Крепышом.

— Пресвятая Мать морей, я и не подумал.

— «Не подумал»! Эх, это проклятие многих искателей приключений, — сказал Натан с обнадеживающей улыбкой. — А впереди у нас еще немало приключений.

— Мои спутники всегда должны сначала думать, а потом уже действовать, — жестко сказала Никки. — Это избавит нас от множества проблем.

Песчаная пума отважилась приблизиться к останкам разложившейся головы. Понюхав, Мрра наморщила усы от отвращения и снова зарычала. Ее длинный хвост хлестал из стороны в сторону. Символы, клейменные на рыжеватой шкуре пумы, имели странное сходство с диковинными письменами, выцарапанными на табличках у основания других пик.

Никки больше ничего не сказала и принялась разглядывать извивающуюся горную дорогу. Когда-то это был хорошо укатанный тракт, но теперь он зарос травой. Дорога огибала скалы и петлями поднималась к следующему хребту, за которым лежала их цель — великолепный город, на несколько мгновение увиденный ими с высокого перевала Кол Адаира... Чудесное место, которое появилось и исчезло подобно миражу.

От запаха разложения у колдуньи началась изжога.

— Предлагаю не останавливаться для обеда, а перекусить по дороге. До наступления темноты нам нужно пройти еще не одну милю.

— Я действительно рад найти этот город, — сказал Натан. — Пусть даже мы до сих пор не знаем, что нам делать, когда мы окажемся там.

— Но мы готовы попытаться, — сказал Бэннон. — Если город поможет вернуть ваш дар, мы это отпразднуем.

Натан скинул с плеча мешок и достал вяленое мясо, которое они несли с Твердыни. — Не забывай, мой мальчик, поиски этого города могут оказаться важной частью миссии Никки по спасению мира.

Колдунья недобро хмыкнула, взглянув на него своими пронзительными голубыми глазами, а потом отошла от трех оставшихся голов.

— Я не особо доверяю тому, что велит мне делать ведьма. Ее предсказания и заявления вполне могут исполниться, но совсем не так, как кто-либо ожидает. — Она посмотрела на седовласого бывшего волшебника. — Ты предполагал, что снова овладеешь магией, как только мы доберемся до Кол Адаира, но он оказался лишь первым шагом.

— О, но зато мы нашли подтверждение словам Рэд, — сказал Натан. — Мы предполагали... и предположения не принесли пользы. Ее предсказание в моей книге жизни обещало, что в Кол Адаире я увижу необходимое, чтобы обрести целостность. Я просто не уделил словам должного внимания. Теперь-то мы понимаем истинный смысл.

— Как минимум мы понимаем, каков следующий шаг, — сказала Никки. Мысли о загадочной ведьме вызывали у нее отвращение.

Прежде чем они отправились из Темных земель в свою долгую миссию, Рэд сделала запись в таинственной книге, которую дала старому волшебнику:

Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели. Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир.

— Ваша роль кажется довольно ясной, — сказал Бэннон, догоняя Никки. — Ваша миссия — спасти мир. Что может быть важнее? Мы должны следовать указаниям.

Она остановилась на тропе, а Мрра отправилась к холмам на охоту.

— Правильный человек не нуждается в расплывчатом прочтении, которое призывает спасти мир, — ответила Никки юноше. — Правильный человек сделает это, потому что так правильно. Я бы пошла на это ради лорда Рала... — Никки стряхнула пыль с черной ткани своих пышных юбок и расправила плечи. — И я правильный человек.

Могущественная колдунья и бывшая сестра Тьмы посвятила свои жизнь и способности служению Ричарду Ралу. Она любила его, как никто другой, и никогда не полюбит другого, но она смирилась с тем, что его единственной настоящей любовью была Кэлен. С той любовью не могла соперничать никакая другая женщина, включая Никки. Но колдунья была вольна отдать Ричарду свою непоколебимую преданность.

Еще тогда, в Д'Харе, Ричард и Кэлен с беспокойством отнеслись к желанию Натана помочь жителям истерзанных войной Темных земель. Старый волшебник тысячу лет провел в заточении Дворца Пророков — считалось, что отпускать его слишком опасно, — но после побега он упорно сражался на стороне Д'Хары. Он попросил отправить его навстречу приключениям, назначив странствующим послом Д'Хары по особым поручениям.

Хотя высокий статный волшебник был не глуп, во многом он походил на ребенка в поисках волнующих ощущений. Ричард знал, что Натан непременно попадет в какой-нибудь переплет, и потому попросил Никки сопровождать его в качестве защитника и заступника. Она сделает все, о чем попросит Ричард, — даже ценой своей жизни. Никки осознала, что лучший способ служить своему возлюбленному и тем самым спасти себя — уйти. Уйти очень далеко и быть независимой. Она

поможет заново отстроить мир, защитить и укрепить отдаленные уголки Д'Харианской империи. Так она поможет Ричарду и выразит ему свою любовь.

Спустя какое-то время миротворческая армия Д'Хары продвинется на юг, создаст там плацдармы и форпосты. Сейчас Никки была разведчиком, авангардом из одной женщины, обладающей достаточной силой и уверенностью, чтобы позаботиться о проблемах этих отдаленных территорий. Если она справится со своей работой, как и собиралась, то вмешательство лорда Рала и его армии не потребуется...

На холмах сосны росли реже. Земля поросла колючим кустарником, на покатых травянистых склонах тут и там попадался цепкий чертополох высотой почти с деревья, и возле его огромных пурпурных цветов жужжали толстые шмели. В низинах и на некоторых склонах были островки низкорослых дубов с темной листвой. Стрекозущие кузнечики выпрыгивали из-под ног путешественников, которые пробирались через высокую траву. Змея, петляя и извиваясь, скользнула в заросли и исчезла в кустах.

Большую часть дня трое путешественников и Мрра, рыскавшая впереди, потратили на спуск с главного хребта. Они остановились на ночлег в укрытой долине, возле быстрого горного потока. Бэннону удалось поймать пять маленьких радужных форелей. Хотя рыбы едва хватило для ужина на троих, юноша бросил Мрра две рыбки поменьше. Песчаная пума посмотрела на него с осторожной благодарностью, а затем вцепилась в покрытые серебристой чешуей бока рыб.

Натан ссутулился возле потрескивающего костра, который Никки разожгла с помощью магии.

— Колдунья, как думаешь, сколько дней нам еще идти до города?

— Ты даже не уверен в его существовании, — сказала она. Из Кол Адаира они увидели причудливую линию горизонта, высокие башни, геометрические узоры крыш... но затем все

исчезло. — Это могла быть просто иллюзия или проекция другого места.

Натан покачал головой, подперев подбородок ладонью.

— Мы должны верить, что город реален! Я узрел его в Кол Адаире, как обещала ведьма, и поэтому он должен существовать. Так сказала ведьма. Мы будем идти столько, сколько придется. — Он отвел свои лазурные глаза, словно стыдился чего-то. — Я должен вернуть свой дар, и сейчас город — наша единственная зацепка.

Бэннон расстелил свой плащ поверх мягких листьев у ручья и свернулся калачиком.

— Конечно, мы идем в этот город, так что давайте отдохнем. — Он зевнул. — Можно я встану на часы вторым?

Никки устроила себе место для сна.

— Нет необходимости, — сказала она, закрывая глаза одновременно с Мрра. Колдунья и песчаная пума были соединены заклинанием, между ними была непостижимая связь. — Мрра будет охранять нас, поэтому ты можешь отдыхать спокойно. Никто не нападет на нас. Мрра предупредит о любой опасности.

* * *

Утром они взбирались по поросшему деревьями склону на следующий хребет, с трудом поднимаясь на такую же высоту, с которой спустились днем ранее. Путники петляли по крутому склону, приближаясь к гребню.

Никки была уверена, что таинственный город находится за этим хребтом — на широкой равнине, которая раскинулась за предгорьями.

К полудню, проложив себе дорогу через дубовую чащу с изредка попадавшимися елями, они достигли вершины. Как только деревья поредели настолько, чтобы можно было осмотреться, они уставились на открывшийся перед ними вид.

— Добрые духи! — прошептал Натан.

Бэннон Фермер уставился вниз, потом протер глаза и снова посмотрел вперед.

За предгорьями была открытая равнина, которая заканчивалась обрывом. Где-то внизу текла широкая река. Местность словно разорвали, а затем высоко подняли одну часть. Но города не было. Ни намека на огромный фантастический мегаполис, который они видели с Кол Адаира.

Однако равнина не была пустой. Они видели армию — огромную армию, расположившуюся на предгорьях и равнине. Неясные очертания человеческих фигур, количество которых было способно посоперничать с самым крупным войском императора Джеганя. Она прекрасно знала, сколько разрушений может принести такая армия.

Колдунья прищурилась, разглядывая тревожную картину.

— Здесь, должно быть, полмиллиона воинов.

Бэннон прикоснулся к рукояти своего меча, будто подсчитывая, сколько солдат он сможет сразить в одиночку.

— Колдунья, я очень рад, что вы здесь и вам суждено спасти мир.

Глава 2

Никки стояла на вершине горного хребта вдали от неожиданно обнаруженной армии и не спеша оценивала ситуацию, обдумывая, что делать дальше.

— Это может стать проблемой.

Натан с безрассудным оптимизмом поправил богато украшенный меч, висевший возле бедра:

— А может, и нет. У конфликта всегда есть две стороны. Насколько я знаю, мы не являемся ни одной из сторон. У нас

нет врагов в глубине Древнего мира. Мы просто странники издалека и никому не угрожаем.

Никки, стоявшая возле низкого кривого дуба, покачала головой:

— На месте их полководца я бы не стала рисковать и считала всех странников потенциальными шпионами.

— Но мы ведь не шпионы, — сказал Бэннон. — Мы ни в чем не повинны.

Иногда наивность юноши забавляла Никки, но чаще раздражала.

— Зачем беспокоиться о нескольких мертвых невинных людях, если это обезопасит военную кампанию?

Когда армии Джеганя на марше встречались ни в чем не повинные путники, оказавшиеся в неподходящем месте в неподходящее время, Никки разбиралась с ними лично... И это никогда не приносило путникам ничего хорошего.

Натан прикусил нижнюю губу.

— Но мы этого не знаем, колдунья. Может, насаженные на пики головы норукайцев — дело рук этой армии, а значит, они враждуют с работорговцами. Если это так, я с радостью назову их союзниками.

Никки обхватила рукой сучковатую, покрытую лишайником дубовую ветку и ощутила ее шероховатость.

— Не хочу подставляться. Мы должны сохранять осторожность, пока не узнаем больше.

Пристально глядя вперед, Натан рассеянно коснулся центра своей груди, словно пытался обнаружить пропавший дар. Он возлагал большие надежды на туманные записи в своей книге жизни и на поиски таинственного города, который каким-то образом исчез.

— Мы должны пойти туда и разузнать, что случилось с городом. Может, один из этих солдат что-то знает. Тогда я смогу выяснить, почему я потерял свой дар.

Никки взглянула на Натана:

— Разве я не рассказывала тебе, какой способ лишить волшебника его силы сестры Тьмы считали самым верным? Содрать кожу живьем, чтобы магия вытекла из него, капля за каплей. — Она пошла вперед. — Они проделали это с несколькими одаренными юношами во Дворце Пророков.

Натан поплелся за колдуньей, но его лицо выражало скорее негодование, чем отвращение.

— Уж поверь, я утратил свой дар не таким способом.

Мрра скользила меж высоких трав, возвращаясь к ним. Кажется, большую кошку не беспокоили сотни тысяч солдат — они находились слишком далеко, чтобы представлять опасность.

Колдунья долго наблюдала за многочисленным войском, слушая шелест темно-зеленой дубовой листвы, а потом прищурила голубые глаза:

— Что-то не так. Заметили? — Она указала на бесчисленные ряды солдат внизу. — Их очень много, и мы должны были увидеть постоянное движение, патрули, разведывательные группы, которые уходят или приходят с донесениями, пехоту на строевой подготовке. Но я не вижу дыма от походных костров. Прислушайтесь — не слышно ни звука. — Она вышла из-под укрытия дубов, больше не боясь, что ее заметят. — Где их палатки, знамена? Многотысячное войско не могло пройти бесследно, они бы разрушили эту местность. — Никки обернулась. — Если б они перешли через горы, то оставили бы глубокие борозды, холмы и луга были бы вытоптаны тысячами ног.

— Они могли прийти с другой стороны, — предположил Натан. — С севера или юга.

— А почему нет костров? — повторила она. — У армии должны быть палатки, коновязи, фургоны снабжения, припасы.

Ответа ни у кого не нашлось.

— Есть только один способ узнать, — сказал Бэннон. — Если будем двигаться осторожно, то сможем пройти по холмам, держась в укрытии деревьев, и нас никто не увидит. Учитывая количество солдат на равнине и в предгорьях, мы обязательно наткнемся на отдаленные группы — на расположившихся в лесу разведчиков, гонцов или на внешние патрули. Если мы найдем группу из нескольких воинов, то зададим им вопросы. — Он неуверенно усмехнулся, поглаживая обернутую кожей рукоять меча.

Никки, помедлив, кивнула:

— Хорошая идея, Бэннон Фермер. Мы пойдем через лес. Держите глаза открытыми. Мрра может пойти вперед и предупредить нас в случае опасности. Как только нам попадется одинокий солдат, мы схватим его и допросим. — Она позволила себе намек на улыбку. — Если потребуется, то силой.

— Да, если потребуется. — Натан поднял брови. — Но я бы предпочел не начинать войну с полумиллионной армией — по крайней мере, пока не верну свой дар.

— Думаю, мы просто поговорим с теми, кого найдем, — пробормотал Бэннон.

Они уже давно путешествовали вместе, потому легко пробирались через поросшие колючим кустарником предгорья, шелестящие бурые травы и раскачивающиеся чертополохи высотой с деревья. Когда появлялась возможность, они ныряли в укрытие дубовых рощиц. Из-под ног выпрыгивали стайки кузнечиков. Вдалеке щебетали птицы.

Но от огромной далекой армии не доносилось ни звука.

Никки заметила темную прогалину, оставленную пожаром. Трава на высохших холмах почернела, но огонь не распространился далеко. В самые засушливые месяцы позднего лета колючий кустарник легко мог превратиться в настоящее пекло. Однако Никки больше беспокоило то, что на выжженной поверхности негде было укрыться.

Натан остановился возле высокого колючего чертополоха и рукой заслониł глаза от солнца, чтобы оглядеть обширное, странно неподвижное войско.

— Кажется, ты права. У меня всегда было острое зрение — наверное, потому что я слишком долго смотрел на мир с высоких башен. Глядя на отдельные группы солдат, я не вижу никакого движения. Вообще никакого. Я могу различить детали обмундирования, которое выглядит древним, но все цвета... серые. — Он слизнул капельку крови, которая выступила на его ладони от укола чертополоха. — Их доспехи напоминают мне... — Натан нахмурил брови. — Помните, как мы шли из бухты Ренда по дороге, ведущей вглубь материка? Я еще сделал крюк к древней сторожевой башне. Там было кровавое стекло, через которое я увидел огромную армию. Полагаю, это было войско императора Кергана — Железного Клыка. Его генерал Утрос завоевал бóльшую часть мира от имени своего императора, прокатившись по всему континенту. Из дозорной башни сквозь время и магию я видел древних воинов. — Он медленно кивнул. — Добрые духи, солдаты впереди очень напоминают мне тех воинов.

— Но те, кого ты видел, жили тысячи лет назад, — сказал Бэннон.

— Так я думал. Я не могу быть уверен по поводу этой армии, пока мы не подойдем ближе.

Они продолжили путь по разрозненным участкам леса, где можно было спрятаться. Никки все больше тревожилась из-за возникающих у нее вопросов. Она не могла понять того, что видит.

Она отчетливо помнила армию Джеганя, ее тлетворное зловоңие, шум и беспорядочность. Предгорья и открытая равнина обеспечивали акустику, благодаря которой Никки должна была слышать отдаленные выкрики, лязг стали от упражнений на мечах, удары кующих металл оружейников, крики пленных женщин, которых затаскивали в солдатские палатки, стук ло-

пат, которыми работники копают отхожие места или траншеи для казненных пленников. Она должна была чувствовать запах погребальных костров, запах дыма от очагов с готовящейся пищей, слышать музыку, похабные песни, приказы офицеров и недовольное ворчание проигравших в азартные игры.

Но тишину нарушали только шорох ветра, шелест травы, стрекот и жужжание насекомых... никакого гвалта и хаоса огромной армии.

Мрра вернулась с разведки, шумно продираясь через подлесок. Видя, что пума не крадется и не прячется, Никки расслабилась.

Впереди, в расщелине меж двух предгорий, несколько стремительных ручьев сливались в один. Лощина была узкая и густо заросшая высокими дубами, среди которых изредка попадались сосны.

Бэннон указал на заросли с нависающими ветвями:

— Смотрите, там солдаты — их совсем немного. Может, поговорим с ними?

— Я тоже их вижу, — сказал Натан. — Всего четверо или пятеро. — В его шепоте сквозила надежда.

По коже Никки пробежал озноб, когда она заметила несколько фигур в росчерках теней от веток. Они стояли близко друг к другу. Возможно, они разбили здесь ночлег, а может, стояли на страже. Колдунья не заметила солдат, Мрра их не учуяла, но воины из своего укрытия, скорее всего, заметили приближающуюся троицу.

— Возможно, уже поздно для разговоров. — Никки не видела никакого движения. — Мы выясним, но будем осторожны. — Она коснулась кинжалов, которые держала в набедренных ножнах, но ее самым опасным оружием была магия.

Бэннон и Натан оголили мечи и пошли по траве к лесу. Бэннон нырнул под низко висящую ветку, раздвинув листья.

— Хорошее место для лагеря, — прошептал он. Слишком громко, по мнению Никки. — Может быть, поэтому они здесь.

Никки шикнула на него, но была согласна с его мнением. Небольшая группа солдат могла укрыться в этой узкой заросшей лощине. Но где же дым от костра?

Пятеро воинов стояли под дубами, образуя круг. Мрра прыгнула вперед и принялась, но не выказала ни страха, ни беспокойства. Никки замерла, уставившись на людей. Дюжие воины были облачены в чешуйчатые доспехи с толстыми наплечниками, поножи и латные сапоги; остроконечные клепаные шлемы покрывали их головы. Они были вооружены короткими мечами. Один солдат полуприсел на корточки, склонившись над каким-то невидимым предметом. Все пятеро были окаменевшими, их плоть обратилась в беловато-серый камень.

— Они... статуи, — ахнул Бэннон с дрожью в голосе. — Словно Судия наложил на них свое заклинание.

Натан осторожно подошел ближе. Каменный воин смотрел пустыми глазами на расчищенное место среди лесной подстилки.

— Держу пари, что когда-то давно здесь был костер. Время стерло его следы, но несколько сложенных в круг камней уцелело.

У статуй были равнодушные выражения лиц, будто их мысли застыли, когда ими овладели чары окаменения. Никки осмелилась приблизиться. Смутные догадки обрушились на нее, как холодные градинки в летнюю бурю. Никаких костров, никакого движения по всей армии — абсолютная тишина.

— Интересно, в камень превратилась армия по всей равнине?

Натан выглядел одновременно зачарованным и взволнованным.

— Магия, необходимая для такого заклинания, превосходит все, что случилось за три тысячи лет со времен великих войн волшебников, — сказал он с отстраненным восхищением. — Ах, это были времена колоссальной, необузданной магии.

Бэннон стукнул клинком по плечу одного окаменевшего воина, и сталь издала чистый звенящий звук, нарушив тишину.

— Тысяча лет... три тысячи лет — и они по-прежнему невредимы? Они когда-нибудь пробудятся? — Он посмотрел на Никки, и его лицо исказила горечь воспоминания. — Мы оживили статуи в Локридже, когда Натан победил Судию. Все те люди были в ловушке своей вины.

— В Локридже был гораздо меньший размах, мальчик мой. Судия использовал свою извращенную магию только на тех, кого признавал виновными, по одному человеку. — Натан снова покачал головой. — От масштабов здешнего воздействия... захватывает дух. Так много тысяч!

Мрра понюхала каменные сапоги, но не нашла в мраморных фигурах ничего интересного. Нетерпеливая пума скользнула в раскидистый дубовый лес, ступая меж упавших ветвей по толстому ковру из бурых листьев.

Напряженность Натана сменилась любопытством, и он обошел вокруг окаменевших солдат, напоминая почитателя искусства, который рассматривает новые садовые скульптуры в королевском дворе.

— Во Дворце Пророков я изучал древние военные летописи. Мне знакомы эти доспехи. Видите эту эмблему, стилизованную под пламя? — Он постучал по нагрудному знаку одного из стражей. — Такой символ фигурирует в сказаниях о Железном Клыке. — Он отступил, уперев кулаки в бедра. — Только представьте, какие истории поведали бы нам эти люди, если б могли говорить!

— Я предпочитаю, чтобы они молчали, — сказала Никки. — Если могут говорить они, значит, и вся армия тоже может. Сомневаюсь, что после пробуждения они начнут с разговоров.

Бэннон по-прежнему был обескуражен:

— Но если они пришли покорить величественный город, ничто их здесь не держит. Город исчез.

— Кроме того, что все они статуи, — заметил Натан, — и никуда не могут уйти.

— Неплохо подмечено.

Натан заговорил учительским тоном:

— Хорошая новость: если все солдаты стали камнями, то эта огромная армия не представляет угрозы ни для нас, ни для кого-либо еще. Мы можем походить среди них и поискать подсказки, куда подевался город. Больше не надо скрываться. Это будет совсем просто.

Словно в ответ на это опрометчивое заявление, из-за деревьев на дальней стороне лощины послышался грохот.

Ветви с хрустом разлетелись, пропуская огромное поросшее шерстью создание. Монстр вырывал молодые дубы с корнем и отбрасывал их в сторону.

Никки развернулась, приседая и складывая ладони чашей, готовая прикоснуться к своему дару и высвободить магию. Натан вскинул свой изысканный меч одновременно с Бэнноном. Мрра выскочила из деревьев с противоположной стороны лощины и устремилась к ним.

Монстр остановился, втягивая носом воздух и оценивая незваных гостей. Зверь был размером с огра, но походил на медведя из чьих-то кошмаров. Он издал утробный рев, широко раскрыв пасть и выпуская струйки слюны, которые доставали до земли. Монстр встал на дыбы и раскинул похожие на грабли лапы с изогнутыми когтями.

Словно звериный ураган, он ринулся на них.

Глава 3

Зверь был слишком крупным, чтобы дубовая роща могла его остановить. Монстр махнул похожей на таран лапой, сшибая длинными крючковатыми когтями несколько надоедливых

веток. Поднявшись на задние лапы, он с громким ревом полосовал деревья, оставляя только длинные дубовые щепки, похожие на ленты, из которых швея сделала кисточки. Монстр рывком выдрал тонкие деревья и расшвырял их по сторонам. Он приближался, рыча и фыркая, как кузнечные меха.

Бэннон укрылся между статуй, будто те могли его защитить.

— Что это за тварь?

— Мы каждый день узнаем что-нибудь новое. — Натан широко расставил ноги в черных сапогах, готовясь к битве. Обими руками он крепко сжимал украшенную рукоять своего меча. — Но, я полагаю, мы сразимся с ним обычным способом.

Никки встала перед двумя мужчинами и выгнула пальцы, чувствуя кожей покалывание пробуждающегося дара.

— Отойдите.

Монстр походил на огромного больного бешенством медведя — а может, он был медведем прежде. Тело его покрывал клочковатый светло-коричневый мех, кое-где слипшийся от гноя и крови, сочившихся из мокрых язв. У него была массивная голова с широко посаженными пылающими глазами. Одна сторона морды будто растаяла, как воск от пламени. Глаз выпал из глазницы и висел на скуле, плоть которой слезла с костей, открывая ужасные клыки. С вытянутой морды зверя стекала слюна, смешанная с кровью из израненных десен.

Его поросшее шерстью тело было бронировано отполированными изогнутыми пластинами, похожими на раковины лобстеров, которых рыбаки иногда доставляли в гавань Графана. Эти твердые пластины были вживлены в тело монстроподобного медведя, а его шкура была исчерчена клейменными символами и геометрическими узорами заклинаний — такими же, как и у Мрра.

Монстр быстро приближался, намереваясь атаковать их, ранить и убить. Никки видела, что зверь не был голодным хищ-

ником в поисках пропитания: он испытывал неопишуемые страдания. Судя по увечьям и гнойным отметинам на шкуре, облик этому существу придали человек — злой человек.

Неудивительно, что зверь хотел убить любого встречного.

Никки, хотя и понимала мотивы зверя, не собиралась позволять ему причинить вред ее спутникам. Почти не задумываясь, она создала два кипящих шара огня волшебника. Расплавленная субстанция поглотит монстра и превратит его омерзительное тело в очищенную золу. Когда монстр прыгнул вперед, сбивая покрытые лишайниками деревья, колдунья швырнула огненные шары один за другим. Первая пылающая сфера попала в зверя — и просто закрутилась возле его косматого тела горячим туманом, а потом расплескалась по сломанным деревьям. Огонь волшебника воспламенил густую дубовую рощу, не причинив медведю никакого вреда. Второй шар врезался в монстра, но пламя стекло с его шкуры будто вода с промасленной кожи. Зверь продолжал наступать.

— Он невосприимчив к огню волшебника! — воскликнул Натан.

Никки не стала ждать. У нее был целый арсенал заклинаний. Она простерла свой дар, намереваясь остановить сердце медведя, тем самым убив его. В чрезвычайных ситуациях она часто прибегала к этому приему: охватывала магией бьющееся сердце и сжимала, пока оно не перестанет биться... но сейчас ее дар снова скользнул мимо. Она не могла коснуться сердца зверя, не могла даже проникнуть внутрь.

Зверь беспрепятственно мчался на путешественников. Когда медведь почти навис над ней, она выставила перед собой ладони и уплотнила воздух, сгущая ветер и создавая невидимый таран, который врезался в приближающегося монстра. Тот пошатнулся, задержавшись только на мгновение, и снова бросился вперед. Руны, выжженные на его шкуре, слабо засветились.

Никки наконец поняла, в чем дело. Мрра тоже была невосприимчива к магии благодаря отметинам на рыжеватой шкуре. У этого медведя были такие же защитные руны.

В следующий миг монстр оказался над ней и взмахнул огромной лапой. Колдунья попыталась уклониться, и удар пришелся ей в плечо. Никки покатилась по земле, почти оглушенная.

— Оставь это нам, колдунья, — сказал Натан, бросаясь в схватку. — Пойдем, мой мальчик, твой меч уже заскучал в ножнах.

Бэннон с воплем ринулся на зверя, а Натан метнулся вперед и нанес мечом длинную рану в плечо медведя. Тот щелкнул безобразными челюстями и замахнулся на старого волшебника неповрежденной лапой, но Натан увернулся, с неожиданной грацией крутанулся на одной ноге и ударил вновь, но его меч лишь рассердил зверя.

Бэннон атаковал с другой стороны, описав Крепышом горизонтальную дугу. Удар пришелся в массивную лапу медведя и отсек четыре ножеподобных когтя. Натан нанес мощный удар сверху вниз. Клинок попал в одну из бронированных пластин и соскользнул. Все произошло в считанные секунды.

Никки вскочила на ноги и увидела, что пожар, вызванный огнем волшебника, трещит в зарослях, пожирая упавшие ветки и ковер из сухих листьев. Если огонь доберется до поросших сухой травой холмов, то его будет уже не остановить. Но прежде чем заняться пожаром, им придется остановить атакующего монстра.

Раз уж магия не могла нанести непосредственный вред медведю, Никки при помощи дара выдрала из земли низкорослый горящий дубок и бросила снаряд в медведя. Дерево обрушилось на монстра со снопом искр и дыма, разбрызгав огонь по его шкуре. Бэннон и Натан бросились врассыпную, а зверь переломил горящее дерево и снова пошел на них. Никки отпустила дар и достала два набедренных кинжала. Чтобы нанести

урон этими короткими клинками, ей придется находиться чуть ли не в объятиях монстра. Она не хотела, чтобы он навалился на нее, переломав ее ребра, как веточки, но высматривала подходящую возможность.

Натан снова рубанул мечом, но монстр наотмашь ударил лапой; старый волшебник отлетел футов на двадцать и без чувств рухнул в гущу молодых дубов. Он был оглушен.

Размытым рыжим пятном Мрра набросилась на монстра. Пума, хотя и была намного меньше медведя, по-прежнему была машиной для убийств, обученной на какой-то далекой боевой арене.

Никки присоединилась к схватке, держа кинжалы перед собой. Когда она нанесла ими удар, одно лезвие звякнуло о живленную броню, но второй кинжал пропорол жесткий мех. Со скоростью гадюки она нанесла несколько ударов и отпрыгнула.

Бэннон своим простым мечом пронзил брюхо медведя, погрузив клинок до самого позвоночника. Используя обе окровавленные передние лапы, медведь вцепился в клинок, а затем ударил по Бэннону. Когда юноша отшатнулся, блестящий от крови меч выскользнул из раны.

Мрра атаковала когтями и клыками, разрывая глубокую рану на животе, оставленную мечом Бэннона. Пума распорол рану настолько, что повалились внутренности. Монстр взревел, расшвыривая нити слюней. Неповрежденной лапой он оцарапал шкуру Мрра, но большая кошка и не думала отступать.

Мрра продолжала рвать плоть, а Никки подобралась к голове монстра так близко, что почувствовала его зловонное дыхание. Она воткнула кинжал в его левый глаз, прошла острием через глазницу, пробивая толстую кость, и достала до мозга. Ударяя по навершию ладонью, она забивала кинжал все глубже и глубже.

Даже это не убило медведя, но Никки вторым кинжалом полоснула по его горлу, прорезая прослойку жира и сухожилия, пока не добралась до яремной вены. Отточенное как бритва лезвие рассекло вену, и кровь хлынула фонтаном, окатив колдунью. Мрра отступила, вытаскивая длинные канаты кишок из разорванного брюха монстра — большая кошка будто нашла себе новую игрушку.

В глазах Бэннона сверкало боевое безумие — иногда юноша впадал в некий боевой транс. С бессловесным воплем он вскинул меч и вонзил острое в грудь медведя, взломав грудину и проткнув сердце.

Измученный зверь содрогнулся, издал бульканье и умер.

Бэннон, сгорбившись, сидел над зверем, сжимая обтянутую кожей рукоять, и плечи его тяжело вздымались. Когда он посмотрел на кровавое месиво, у него выступили слезы, не только от облегчения и ужаса, но и от неподдельной симпатии к несчастному зверю.

— Я бы предпочел более чистое убийство.

Натан, пошатываясь, выбрался из чащи, на ходу выпутывая листья и ветки из одежды и волос. Одна его рука была прижата к пульсирующей голове.

— Простите, что не особо помог. Я выбыл из строя, как травмированный игрок в Джа'Ла.

Мертвый медведь все еще подрагивал, но внимание Никки переключилось на потрескивающее пламя пожара. Дубы быстро загорались, а сухие листья на лесной почве подпитывали огонь. Пламя быстро поглощало тонкие ветви и вскоре миновало пять статуй воинов, закоптив их.

Никки сделала несколько вдохов, успокаиваясь и сосредотачиваясь на своем хань. С лесным пожаром она могла справиться, ее дар разрешит эту проблему. Она снова призвала ветер и создала воздушную завесу вокруг прожорливого пламени. Сухие листья закружились в этом вихре. Описывая руками круги, она заставляла ветер вращаться все быстрее и высасы-

вать воздух из пламени. Никки сформировала канал, сузила его и загнала туда огонь, а потом направила в небо тонкую струю пламени.

Бэннон и Натан отвернулись от шторма, предоставив колдунье свободу действий. Мрра прижала уши к голове. Вокруг них ломались и хлестали ветки, во все стороны разлетались прутья.

Наконец, огонь погас, оставив после себя только завитки дыма, которые рассеялись, когда Никки отпустила магию. Шторм прекратился, и дубовые ветви всколыхнулись, будто вздыхая от облегчения. Обгоревшие листья медленно падали на землю.

Натан, распутывая пальцами белые волосы, одобрительно улыбнулся Никки и пожал плечами.

— Спасибо, колдунья. Все могло закончиться плохо. Будь у меня дар, я и сам бы справился с огнем.

— Скоро вы восстановите свои силы, Натан. Как только мы найдем город, — сказал Бэннон с упрямым оптимизмом. Его карие глаза сверкнули, когда он взглянул на Никки: — И все же, это было впечатляюще.

Никки не привыкла бросаться комплиментами, но не стала кривить душой:

— Ваши мечи тоже оказались весьма полезны.

В действительности она была смущена неудачей своего дара и мучилась досадным ощущением беспомощности. Она вполне понимала, каково придется Натану.

— Увидев эти клейменные символы, я должна была сразу догадаться, что магия бесполезна.

От мертвой туши исходили медный запах крови и гнилостная вонь, перекрывая даже запах дыма. Мрра бродила по подлеску, охраняя их и держась подальше от поверженного монстра.

Натан с невозмутимым любопытством опустился на колени рядом с мертвым медведем и постучал костяшками пальцев по странной пластине, вживленной в шкуру.

— Добрые духи, кто и зачем сотворил такое жуткое создание? — Он поднял взгляд, часто моргая. — Волшебник с достаточно могущественным даром мог бы воздействовать на плоть, но почему он захотел использовать магию для такой ужасной цели?

Все еще глядя на павшего зверя, Бэннон вытер с лица дорожки слез, размазав кровь.

— На острове Кирия были мальчишки, которым нравилось отрывать мухам крылья и поджаривать на костре жуков. Иногда они вытворяли ужасные вещи с несчастными кошками и щенками. — Он покачал головой. — Я не знаю, почему люди совершают чудовищные поступки.

Натан поднялся, стряхнул с черных штанов листья и поправил коричневый плащ. Волшебник смерил взглядом Никки, лицо которой, волосы и черное платье были заляпаны кровью.

— Ты похожа на отбивную, колдунья.

— Не сомневаюсь, — сказала она, выгнув бровь. Медленно повернувшись, Никки осмотрела почерневшие деревья, тлеющие стволы и последние сгустки дыма, плывшие по воздуху. — Огонь могли заметить с нескольких миль, и наша битва наверняка привлекла чье-то внимание. После таких стараний остаться незамеченными, мы, похоже, громко объявили о своем прибытии.

Бэннон и Натан с опаской огляделись.

Из глубины дубовой рощи с вкраплениями высоких деревьев донесся звук ломающихся веток и приглушенных голосов. Мрра зарычала, выгнув спину и прижав уши. Она нюхала воздух с таким видом, будто чуяла в нем запах смерти. Когда голоса оказались ближе, песчаная пума метнулась прочь, исчезнув в подлеске.

Бэннон проводил кошку взглядом.

— Мрра не дрогнула, когда на нас напал медведь. Что напугало ее сейчас?

Натан небрежно помахивал мечом, готовый к новой битве.

— Возможно, они испугают и нас, мой мальчик.

— Ну уж нет, — отозвалась Никки, выставив перед собой кинжалы. — Приготовьтесь. — Она уверенно стояла, поджидая зловещих незнакомцев.

Глава 4

Чужаки не пытались скрыть своего приближения. Напротив, они пробирались через лес, громко и резко разговаривая; один даже грубо рассмеялся. Они шелестели листьями, отталкивая с пути ветви, и направлялись прямо к дотлевающим останкам лесного пожара. Никки предположила, что они заметили пламенный шторм, который с ревом поднялся в небо и угас.

Трое незнакомцев в ярких одеждах шагали через чащу — стройные и надменные юноши, едва ли подготовленные к жизни в пустынной местности.

Натан, как ни странно, рассмеялся при виде них:

— Да это просто юнцы!

Чужакам было около двадцати лет — они казались не старше Бэннона. Они неторопливо и непринужденно шли через заросли. На них была диковинная, старомодная одежда: рубашки свободного кроя с расшнурованным воротом, открывающим грудь; шелковые темно-зеленые панталоны, повязанные широкими кушаками контрастных цветов — красного, синего и пурпурного. С их плеч свисали короткие накидки, подбитые пятнистым мехом. Никки отметила, что эти накидки совершенно непригодны для битвы или трудного путешествия. Каждый нес длинную деревянную дубину с железным шаром

на конце. Такие дубинки могли быть эффективным оружием, но молодые люди держали их как трости.

Никки, Натан и Бэннон встретились с ними на прогалине возле тлеющего пепла и окровавленной туши медведя. Молодые люди замолкли от удивления, увидев потрепанных и покрытых кровью путников.

Первый юноша — очевидно лидер — фыркнул.

— Во имя промежуточности Владетеля, вы еще кто такие? — Он шагнул вперед, неловко поправляя подбитую мехом накидку. У него были иссиня-черные волосы, смуглая кожа и темно-карие глаза. Его большой рот скривился от недовольного замешательства. — Мы не думали, что кого-то здесь встретим. — На нем была свободная красная рубашка и широкий пурпурный кушак. Он небрежно упер в землю железный наконечник своей дубины.

— Тем не менее, мы здесь, — сказала Никки, все еще пытаюсь оценить, представляют ли эти чужаки опасность. Незнакомец говорил со странным архаичным акцентом, но его речь нетрудно было понять.

— Мы — странники издалека, — примирительно сказал Натан. — Мы прошли через Кол Адаир, а до этого пересекли запустение, горы, долины и даже само море. — Он выдержал напряженную паузу. — Мы пришли из Нового мира.

— Далековато, — сказал второй юноша, у которого были рыже-коричневые волосы и такого же цвета поросль на щеках. Ключковатые тонкие бакенбарды не дотягивались до бороды. — Сдается мне, на самом деле вы прибыли с одного из горных городков на севере.

У третьего парня было квадратное лицо и темные, коротко остриженные волосы. Он проявлял не больше интереса, чем другие двое.

— Куда вы направляетесь? Как вас всех зовут?

— Наша цель там, куда ведут наши странствия, — не дожидаясь, пока ее спутники ответят, вмешалась в разговор Никки.

Она не желала сообщать лишней информации. — Мы исследуем Древний мир. Меня зовут Никки, а моих спутников — Натан и Бэннон.

Первый юноша постукивал своей импровизированной тростью по земле, ероша лесную подстилку.

— Я Амос. — Он не выказал излишней теплоты или радушия. Впрочем, это была не подозрительность, как могла ожидать Никки, а просто отдаленность, будто чужестранцы не имели для него никакого значения. Он указал на двух своих друзей: — Это Джд и Брок. После последнего падения савана мы решили провести время снаружи, и теперь нам снова нужно ждать.

Брок, юноша с коротко стриженными темными волосами, с любопытством смотрел на изуродованную тушу медведя, на его вырванный глаз, сверкающие внутренности, вытянутые из брюха.

— Еще один боевой медведь вырвался на свободу.

Амос фыркнул.

— Главный дрессировщик Айвен — идиот. Так говорят мой отец и мать, и это единственное, в чем они сошлись во мнениях.

Джд поскреб чахлую рыжую растительность на своих щеках.

— Прошлой ночью мы слышали, как он охотится в холмах, поэтому держались подальше. — Он взглянул на забрызганных кровью путешественников. — Вы позаботились об этой скотине за нас.

— И сделали это довольно грязно, — добавил Брок.

— Добрые духи, так вы знаете, что это за существо? — воскликнул Натан. — Вы прежде видели подобных? Откуда оно взялось?

— Конечно, — нахмурился Амос. — Вы разве не слышали Брока? Это боевой медведь.

— А вот мы никогда не видели боевого медведя. — Никки изо всех сил старалась убрать из голоса раздражение.

— Ну конечно не видели. — В голосе юноши звучала издевка. — Наши повелители плоти создавали тварей и пострашнее.

Джед провел пальцем по треснувшему закопченному стволу дерева поблизости.

— Мы заметили распространение огня и забеспокоились, что лесной пожар охватит холмы. Мы могли бы оказаться здесь в ловушке, но потом увидели циклон, который справился с огнем.

— Кто-то превосходно владеет магией, — сказал Амос, пристально вглядываясь в каждого из троих путников. — Кто ответственен за это?

— Это сделала Никки, — вставил Бэннон, видимо, пытаясь произвести впечатление на незнакомцев. — Она колдунья, и Натан тоже волшебник... или, по крайней мере, он им считается.

Теперь Амос посмотрел на странников совсем по-другому: его равнодушие исчезло.

— Так вы одаренные? — Он повернулся к Бэннону. — А ты?

Бэннон поднял свой покрытый кровью меч:

— А я мечник и искатель приключений.

— Рад слышать, — произнес Брок с ноткой сарказма.

Утомленный разговором Амос подошел к пяти статуям воителей, которые теперь были покрыты копотью от прокатившегося пожара.

— Джед подумал, что среди деревьев может быть лагерь разведчиков и шпионов.

Оценив расстояние до ближайшей закопченной статуи, Амос отступил назад, замахнулся дубиной с железным накопником и скорчил злобную гримасу. Он изо всех сил обрушил металлический шар на защищенное шлемом лицо статуи,

и по лесу пронесся громкий, звонкий треск. Часть каменного шлема и точеного носа откололась, обнажив яркий чистый мрамор. Никки поразила эта неожиданная расправа, и она приготовилась к возможному нападению. Бэннон вскрикнул от удивления, а Джед и Брок рассмеялись вместе со своим другом, подняли дубины и разбили лица пятерых каменных воинов. Изысканные удлиненные шлемы раскололись и сломались; орлиные носы, тяжелые брови и плотно сжатые губы разлетелись каменным крошевом.

— Добрые духи! — ахнул Натан в замешательстве, сомневаясь, не стоит ли остановить чужаков.

А юноши не успокоились, пока не испортили лица всех пяти статуй. Они со смехом поздравляли друг друга с лишней ризкой бравадой.

Никки чувствовала кровь медведя, высохшую на щеках и пропитавшую черное дорожное платье.

— Зачем вы это делаете? — холодно поинтересовалась она.

— Промежность Владетеля, потому что они этого заслуживают! — ответил Амос. — Мы их ненавидим. Армия Утроста стоит здесь уже пятнадцать сотен лет — с тех пор как император Керган вознамерился завоевать мир и подмять под себя всех. Мы знаем историю. Итак, когда наш защитный саван сошел, мы с друзьями вышли повеселиться... и выразить свое отношение к ним.

— Мы бродим здесь уже несколько дней, — добавил Брок, — делая все возможное против каменной армии — на всякий случай.

Натан взглянул на них с явным неодобрением.

— Вы можете бесчинствовать над каменными солдатами, но это не значит, что вы выдающиеся бойцы, — сказала Никки резким тоном.

Амос фыркнул.

— Но это наш единственный шанс, и мы не собираемся упускать возможность отомстить. Мы ждали слишком долго.

Трое юношей переглянулись, и Брок сказал:

— Может, пройдемся по всей равнине? По пути не будет недостатка в статуях солдат.

— Неизвестно, как скоро они снова сбросят саван, — неожиданно нервно сказал Джед. — Мы же не хотим прозевать это и застрять здесь еще дольше.

— Времени предостаточно, чтобы вернуться и снова оказаться взаперти. — Амос взглянул на обгоревшую местность. — Я просто хотел взглянуть, кто здесь пользовался магией. Пошли домой.

— А где ваш дом? — спросил Бэннон. — Эти просторные земли пустынные, насколько мы увидели во время наших странствий. Мы не встречали никого с тех пор, как перешли горы. Вы из деревни на холмах?

Брок и Джед захохотали, а Амос закатил глаза:

— О, тут полно городишек, но разве мы похожи на деревенщин с холмов?

— Тогда откуда вы? — требовательно спросила Никки.

— Из города, разумеется.

Натан оживился:

— Да, мы видели тот город! Можете рассказать, как его найти?

Молодые люди снова засмеялись.

— Конечно. Это наш дом. — Их слова прозвучали так, будто Натан был невообразимо глуп.

— И как называется ваш город? — вмешалась Никки. Если эти юноши не начнут отвечать на вопросы, она с наслаждением заставит.

— Ильдакар, разумеется. — Амос и к ней отнесся с презрением. — Как ты можешь не знать о величественном городе Ильдакаре?

Глава 5

Услышав название мифического города, Натан затрепетал от изумления и волнения. Ильдакар! По коже бегали мурашки, старик улыбался, как мальчишка, которому выпала возможность получить больше конфет, чем он когда-либо мог представить.

— Ильдакар... из древних легенд? — Теперь он смотрел на троицу с гораздо большим интересом, чем поначалу. — Говорят, это удивительный город.

— Наше прекрасное идеальное общество существует уже тысячи лет, — фыркнул Амос. — Но Ильдакар не легенда. Это наш дом.

— Тогда где же он? — В голосе Никки было больше скептицизма, чем удивления. — С перевала мы видели город, но равнина пуста.

— Не считая каменных воинов... — добавил Бэннон.

Амос, Джед и Брок засмеялись над какой-то шуткой, понятной только им.

— Наш город прямо здесь, у края обрыва. Он защищен саваном. Не стоит недооценивать волшебников Ильдакара.

Натан, с языка которого была готова сорваться лавина вопросов, последовал за молодыми людьми через обгоревшую дубовую рощу. Амос размахивал своей булавой, сбивая на ходу омертвевшие ветки, преграждавшие ему путь. Выйдя из рощи, они оказались среди низкого кустарника, которым поросли травянистые холмы. Джед и Брок устроили состязание по сшибанию верхушек чертополоха, разбрасывая во все стороны пушистые лепестки и острые шипы. Юноши казались беззаботными и легкомысленными, словно совсем не торопились вернуться в Ильдакар — и игнорировали явное нетерпение Натана.

Бывший волшебник позволил разыграться своему воображению и поглядывал на Никки, обмениваясь с ней немymi во-

просами. Он не мог перестать улыбаться, уверенный, что в итоге найдет все ответы. Ильдакар считался передовым бастионом магии, населенным могущественными одаренными. Если город сокрушил — обратил в камень? — талантливого генерала Утроса, а потом исчез в тумане мифа, то наверняка они могли восстановить его дар. Как и предсказывала ведьма. Он позволил своей надежде воспарить и заговорил покровительственным тоном:

— Я буду рад, если вы расскажете подробнее, мои юные приятели. Я много веков прожил во Дворце Пророков, на северной границе Древнего мира. Может, слышали о нем? Дворец построили не одну тысячу лет назад. Нет? А, ладно. Все равно дворца больше нет. Я изучал историю, особенно повествования о Срединной войне. — Он глубокомысленно кивнул, ожидая реакции. — Ильдакар сыграл заметную роль в истории, знаете ли.

Молодые люди казались не слишком заинтересованными. Натан даже засомневался, что они вообще его слушают.

Бэннон старался поспевать за незнакомцами, будто надеясь найти единомышленников в ровесниках.

— Волшебник Натан рассказал нам об императоре Кергане и его железном клыке. — Он оскалился и постучал кончиком пальца по левому клыку. — И о том, как генерал Утрос пытался осадить Ильдакар, и о серебряном драконе, которого они пленили и собирались использовать в качестве оружия, но тот освободился и напал на них... еще до того, как город исчез, — выпалил он.

Натан ценил энтузиазм, но предпочел бы, чтобы Бэннон вел себя сдержаннее, пока они не узнают больше.

— Да, ребята, — вмешался он, поравнявшись с Амосом, — как вы трое оттуда выбрались?

— Выбрались? Мы просто вышли из города, когда саван затрепетал, — ответил Амос. — Когда волшебники проводят

пробное кровопролитие, значит, саван скоро снова исчезнет. Нам некуда торопиться. У нас куча времени, чтобы вернуться.

Брок срубил верхушку сухого чертополоха, послав в воздух облачко пушистых семян. Дждед понесся через заросли травы, гоняясь за шорохом, который мог издавать кролик или змея.

Натан оглянулся на выгоревший пятачок на холмах позади, гадая, следует ли за ними Мрра, но пума словно растворилась в редком кустарнике. Он недоумевал, почему она испугалась надменных юнцов больше, чем ужасного монстроподобного медведя или бушующего лесного пожара. Молодые люди казались совсем не опасными.

Никки выщипывала из своей черной юбки цепкие колючки.

— Город, который мы видели с перевала, мерцал подобно миражу. Он казался ненастоящим.

— Это магия, — отозвался Амос. — В зависимости от мощи савана Ильдакар мерцает в существовании и во времени. Саван поднимается и опускается, когда волшебники стараются удержать древние заклинания. Мы с друзьями исследуем окрестности, раз уж нам выдалась такая возможность.

— Мы можем отомстить вражеским солдатам, — сказал Брок, неистово размахивая своей булавой с железным навершием и перерубая колючие стебли чертополоха. — Сразу несколькими за раз.

— Надеюсь, город скоро появится, — сказал Дждед. — Мы снаружи уже три дня, разбиваем стоянки на ночь и бродим по окрестностям. А я мог бы принять приятную ванну и славно пообедать. Походная пища оставляет желать лучшего.

— А я думал, ты больше будешь скучать по визитам к шелковым яксен, — лукаво ухмыльнулся Амос.

Два его товарища заготовали.

— Промежность Владетеля! — воскликнул Брок. — Сперва я хочу помыться и отдохнуть, а потом уже тратить на них все силы.

— Лишь бы девочки были чистыми и отдохнувшими. Для меня это гораздо важнее, — сказал Джед.

— Кто такие яксен? — спросил Бэннон.

Юноши испепеляюще посмотрели на него.

— Может, когда-нибудь мы тебе покажем.

Все вместе они спускались по поросшим травой и сорняками склонам. Они шли быстро, не прячась от огромной армии. Когда компания спустилась на равнину, заполненную тысячами статуй солдат, Натан уставился на неподвижные ряды. Каменные фигуры были повсюду, застывшие посреди своего привычного занятия — участия в крупной войне... войне, которая так и не докатилась до Ильдакара.

Путники подошли к группе из четырех кавалеристов, чьи крупные боевые кони были закованы в боевые доспехи. Натану были знакомы названия этих украшенных доспехов: шанфрон защищал голову и морду коня, критнет прикрывал шею, пейтраль закрывал грудь, а фланшард — бока. Узоры на коже и металле складывались в стилизованное пламя, символ императора Кергана. Передняя правая нога одного из коней была поднята, будто окаменение застало его в галопе, но теперь статуя сохраняла шаткое равновесие.

Всадники были облачены в диковинную древнюю броню, которая придавала им устрашающий вид: на головах объемные шлемы с гребнем на макушке, наносником и широким заостренным подбородником; гладкие стальные кирасы прикрывали грудь, а кожаные набедренники усиливали стальные диски. Всадники воздели сабли, готовые к атаке. На их круглых щитах тоже была эмблема с пламенем Кергана.

Бэннон задержался, чтобы полюбоваться статуями кавалеристов.

— Должно быть, они отправились на вылазку.

Амос надавил руками на каменного коня с поднятой ногой.

— Помогите мне.

Джед и Брок без вопросов присоединись к товарищу, и Амос посмотрел на Бэннона:

— Ты тоже можешь присоединиться. Мы разрешаем.

Бэннон неуверенно встал рядом с тремя юнцами:

— Что мы делаем?

Все четверо положили ладони на каменный бок коня.

— Делаем свой вклад в битву старой войны.

Амос и его друзья налегли, и каменный конь закачался. От колеблющегося Бэннона было мало толку.

Натан выразил свое крайнее неодобрение:

— Ребята, это же исторический артефакт. Вам не следует...

— Это вражеский воин, — Амос стиснул зубы, его щеки вспыхнули румянцем от напряжения.

Решающим толчком они опрокинули каменного коня вместе со всадником. Тяжелая статуя рухнула на землю, передняя нога коня отломилась, а статуя солдата раскололась пополам. Молодые люди отступили, поздравляя друг друга.

— Осталось всего-то сотня тысяч, — сказал Джед и не спеша пошел дальше.

Они шли через огромный безмолвный лагерь, где бесчисленные древние воины застыли в разгар бурных действий. Многие статуи были облачены в доспехи и готовы к битве. Двое рослых мужчин стояли, скрестив на груди облаченные в боевые рукавицы руки и походили на неумолимых стражников, которые стояли на посту.

— Почему не видно шатров и знамен? — спросил Бэннон.

— Они превратились в пыль за столько веков, — догадался Натан. — Воины обратились в камень, но вот вещи давно сгнили.

Заслонив глаза от яркого полуденного солнца, он разглядывал немую сцену. Десять окаменевших солдат развалились на земле, образуя круг. Все они заросли травой и сорняками. Глядя на их позы и неодетый вид, Натан предположил, что они разбили лагерь и заснули вокруг костра, накрывшись теперь

уже не существующими одеялами. Другие воины сидели рядом на корточках, протянув руки к центру круга — словно держали палки и жарили наколотое на них мясо.

Один мужчина стоял с руками возле паха, глядя на землю — окаменение настигло его посреди акта мочеиспускания. Амос и его приятели сочли это весьма забавным. Своими булавами они отбили каменные руки и искрошили окаменевшее достоинство воина.

Они вышли на свободное место среди застывших воинов. Возможно, когда-то здесь стояла большая палатка с припасами, которая была стерта временем и оставила после себя пустую землю.

— Хорошее место для лагеря, — сказал Амос и взглянул на Бэннона. — У тебя есть провиант?

— Надеюсь, у вас есть приличная еда, — добавил Джед. — И ее хватит, чтобы поделиться с нами.

Никки одарила их суровым взглядом:

— Вы должны были как следует подготовиться к своей вылазке.

Амос насупился, но Натан стряхнул с плеча свой мешок.

— У нас есть еда, и мы будем рады поделиться. — Он развязал тесемки и открыл мешок, демонстрируя сохраненные с помощью магии ломти оленины, вырезанные из одной из недавних жертв Мрра.

Новые знакомые с признательностью усмехнулись.

— Свежее мясо — это хорошо, — сказал Брок.

Объединив усилия, они насобирали охапки сена, сухостоя и веток. Натан выложил из собранных им камней круг, а ильдакарские юноши без всякого изящества кинули внутрь собранный хворост.

Бэннон, взглянув на беспорядочную кучу, наклонился и принялся за работу.

— Сложить костер не так уж и сложно. Сухая трава, потом сухостой для розжига, и все это обложить крупными ветками.

Амос закатил темно-карие глаза:

— К чему так возиться?

Жестом он высвободил частичку своего дара и зажег кучу хвороста. Трава и сухостой, потрескивая, быстро и жарко разгорелись.

— Что ж, так и правда быстрее, — пробормотал Бэннон. Обычно Никки зажигала их костры тем же способом.

В сумерках они пожарили мясо и сели на корточки, чтобы поесть. От попыток Натана завязать разговор было мало толку. Молодые люди сделали свой вклад в ужин, достав из рюкзаков медовые вафли и плотные хлебные кексы и разделив их со всеми. Натан счел выпечку аппетитной, но юнцы заявили, что устали от такой еды.

Когда сгустилась темнота, Натан оглядел широкие просторы, напомнившие ему равнины Азрита в Д'Харе. Открытая травянистая степь простиралась до отвесного берега реки, которая делила равнину на две части, но даже такое огромное пространство едва вмещало в себя бесчисленных солдат, которые пришли покорить Ильдакар.

Взяв вторую медовую вафлю, Натан указал подбородком в сторону далекой реки:

— Походит на крутой обрыв. Обычно такие реки вымывают широкое русло, но эта словно прорезала равнину лезвием топора. Скалы у воды очень высоки.

— Это не случайность, — сказал Амос, слизывая с пальцев олений жир. — Чтобы защитить Ильдакар, палата волшебников объединила свою магию и сделала выше эту часть равнины. Они подняли гигантский пласт земли на сотни футов над Вороньей рекой.

— Только глупцы нападут на Ильдакар, — сказал Брок, жуя свой обугленный кусок мяса. Он вынул изо рта кусок хряща и принялся изучать его, держа двумя пальцами, а потом бросил в траву. — Генерал Утрос и его армия усвоили этот урок.

— Как кто-то может напасть на город, который не могут найти? — спросила Никки. — Куда делся Ильдакар?

— Это часть нашей гениальности, — сказал Амос, но уточнять не стал.

Когда насекомые в травах успокаивающе застрекотали, Натан задумался над тем, что знал из легенд и истории. Если волшебники Ильдакара могли сотворить такую поразительную вещь, они определенно способны восстановить его дар.

Но сперва им предстоит разгадать загадку исчезающего города.

* * *

На следующий день, когда солнце уже вовсю светило, они шли через равнину, петляя между окаменевшими воинами. Время от времени внимание троих юнцов привлекала какая-нибудь из статуй. Один мужчина некогда сидел на корточках со спущенными трусами, но, когда его уборная превратилась в пыль, он упал и теперь лежал на земле. Амос и его друзья разломали эту статую на куски. Они нацеливались на особо свирепо выглядывших каменных воинов, которые жаждали захватить Ильдакар. Амос с приятелями своими булавами разбивали глаза, носы и рты, стирая черты лица и оставляя вмятины, которые считали забавными. Натан, начитанный о славе Ильдакара, был разочарован их отношением. Он разглядывал многочисленные фигуры, усеивавшие просторную равнину.

— Полагаю, среди этих статуй есть и генерал Утрос. Было бы занимательно отыскать его, просто чтобы увидеть его лицо — ради истории.

— Как мы его узнаем? — Бэннон хмуро смотрел на только что разломанную остальными статую. — У этих воинов нет опознавательных знаков.

— Милый мой мальчик, я считаю, что если мы будем искать достаточно долго, то найдем одного в генеральском обла-

чении или доспехах. Возможно, он где-то в командном шатре в центре лагеря, — Натан отряхнул гофрированную рубашку, которую носил с ухода из Твердыни. — Но спустя все эти годы не осталось никаких шатров, увы... ни столов, ни остатков карт, ни знамен.

Никки посмотрела на далекую реку и обрывистый берег:

— Если ваши волшебники столь могущественны, почему они боялись? Поднять часть равнины, раздирая ландшафт и создавая огромные скалы у реки — мало похоже на действие уверенных в своих силах людей.

— Это была демонстрация нашей непобедимости, — сказал Амос. — Река Киллрейвен привела торговцев с дальних земель, но времена становились все темнее, и по реке стали ходить глупые захватчики, которые хотели завоевать город. Поэтому волшебники сотворили высокие утесы и сузили реку. Они изменяли ландшафт, словно тот был глиной в руках гончара. Ильдакар выстоял, и мы стали сильнее и мощнее, чем когда-либо. — Зарывав от усилия, он опрокинул еще одного воина прямо в сорняки.

Пока они шли к обрыву возле реки, Натан размышлял, как им спуститься к воде — если их путь лежит туда. Юнцы отказались что-либо объяснять, и, казалось, их раздражали настойчивые расспросы старого волшебника.

В самый разгар дня, когда до обрыва оставалась миля или две, Никки разочарованно спросила:

— Ну и где город?

Ее черное дорожное платье было испещрено коричневыми семенами, колючками и сухими травинками.

— Мы находимся в правильном месте, но я точно не знаю, когда спадет саван, — ответил Амос. — Мы никак не можем это ускорить.

— Может, сегодня нам снова придется разбить лагерь, — огорченно протянул Джед. — Я бы лучше...

Воздух внезапно замерцал и изменился, словно дозорный из невидимого города заметил их приближение.

Натан почувствовал резкий металлический привкус, словно рядом ударила молния. Жужжание, словно от миллионов роящихся мошек, становилось все громче и превратилось в непрерывный гул, от которого вибрировали зубы.

Затем широкая пустая долина исчезла, и сам воздух расслоился, показав то, что спрятано за маскировочным барьером.

Когда мерцание прекратилось, Натан уставился на огромный и захватывающий дух город прямо перед ними — Ильдакар.

Глава 6

Никки замерла, глядя на появившийся из ниоткуда город.

— Пресвятая Мать морей! — Бэннон от неожиданности отскочил.

Потрескивающий гул стих, когда детали стали предельно четкими. Огражденный стеной город размером с Танимуру проступал из-за преграды, скрывавшей его от времени. Многочисленные ярусы строений расположились на горе, которая словно произрастала из плато.

Натан заслонил глаза от солнца, пытаясь охватить взглядом город:

— Добрые духи, даже самые смелые легенды не воздавали должное этому городу. Теперь я понимаю, почему Железный Клык так хотел его завоевать.

— Это Ильдакар, — сказал Амос, будто этого объяснения было достаточно. — Многие чужаки пытались завладеть им, но ни одна армия не преуспела.

Молодые люди не стали вдаваться в детали, поэтому Натан повернулся к Никки и Бэннону:

— Ильдакар был самым выдающимся городом на юге Древнего мира, культурным центром искусств и ремесел, нацеленным на развитие магического мастерства. Здесь жили многие величайшие ученые, совершались древние открытия. — Он погладил свой выбритый подбородок. — Многие фундаментальные работы, хранящиеся в архивах Твердыни, были написаны в Ильдакаре три тысячи лет назад.

— С тех пор наш город стал еще величественнее. — Амос поправил свою подбитую мехом накидку и зашагал по нехоженой равнине к огромным воротам в высокой стене. — И все потому, что мы были защищены саваном. Если бы Ильдакар оставался уязвимым, нас бы завоевал генерал Утрос или любой другой полководец.

Никки кивнула, восхищаясь внушительными каменными стенами расположенного на горе города. Ветер бросал ей в лицо ее светлые волосы.

— Если бы император Джегань знал об Ильдакаре, то наверняка послал бы на него войска Имперского Ордена.

— Тогда Джегань — кто бы он ни был — также потерпел бы неудачу, — сказал Амос. — Оградив свой город от времени, мы веками избегали войн, разрушений и трудностей. Проведя в изоляции пятнадцать столетий, мы построили идеальное общество.

Он остановился перед ближайшим каменным солдатом — мужчиной с обвисшими усами и бородавкой на носу. Усмехнувшись, Амос взмахнул своей дубиной и разнес голову статуи. Джд и Брок, решив выпустить пар, присоединились к своему товарищу, и троица не успокоилась, пока от каменного воина не осталась лишь груда щебня.

Никки раздражала их неуместная склонность к разрушению, но она не осуждала юношей, так как повидала немало зверств солдат Джеганя. Страдающие от скуки воины Имперского Ордена насиловали, пытали и калечили живых пленни-

ков лишь потому, что им нечем было заняться. Неугомонное варварство этих юнцов казалось детской забавой.

Отвернувшись от молодых людей с явным отвращением, Натан моргнул, отбрасывая задумчивость, и перевел взгляд на удивительный город, похожий на остров на краю равнины.

— Этот город существует! Давайте отправимся в Ильдакар.

Путники брели через луг к каменной стене, шагая по составленной ветром великой дороге, от которой остались лишь неровные булыжники, заросшие пучками вездесущих сорняков.

Никки разглядывала необычные разноцветные здания, которые приникли к склонам искусственного плато, и невольно сравнивала этот город с Алтур'Рангом и Эйдиндрилом. Ильдакар был так велик, что казался горой с домами, крутыми улицами, зелеными аллеями, цветочными террасами и фруктовыми садами. Ряды отвесных стен и ограждений формировали концентрическую оборонительную систему, вырастающую из пологой долины.

По сравнению с бледными каменными солдатами и бурными травами равнины Ильдакар являли собой взрыв цвета. Пурпурные и алые флаги реяли над зубцами многоуровневых стен, крыши жавшихся друг к другу побеленных домов были покрыты черепицей красного, оранжевого или черного цвета. Витражи на некоторых окнах радужно сверкали в солнечном свете. Тут и там виднелись висячие сады, по стенам струились виноградные лозы и другая растительность.

За высокими оборонительными стенами прятались кварталы и районы города, напоминавшие слои луковицы: с маленькими домишками, огромными складами, смотровыми башнями и площадями. Никки подумала о центре власти Ричарда, — Народном дворце, — огромном городе на плато, которое высится над равнинами Азрита. Ильдакар был столь же внушительным и великолепным, но отличался странной архитектурой с изогнутыми линиями, остроконечными башнями и стрельчатыми арками.

Подойдя ближе к внешней стене, путники наткнулись на древние следы глубоких рвов, поросшие травой. Много веков назад они отражали атаки кавалерии, но со временем склоны осыпались. Пока группа перебиралась через канавы, Амос указал на них:

— Долгое время традиционные оборонительные укрепления Ильдакара считались неприступными, но они утратили свою значимость, когда волшебники создали защитный саван.

— Саван укрывает нас от всех опасностей мира, — сказал Джед.

Впервые они увидели этот город с Кол Адаира, и теперь Никки поняла, что купол савана мерцает и, возможно, спадает, когда исчезают чары. Из неохотных рассказов Амоса и его приятелей она узнала, что саван уже много лет периодически то спадает, то вновь поднимается. Это началось задолго до того, как перемещение звезд изменило законы магии.

Троица парней неспешно шла вперед, и их громкие голоса отражались от стен. Они говорили о еде, ванне и посещении таинственных «шелковых яксенов», но, кажется, домой не торопились.

— А вдруг город исчезнет до того, как мы в него войдем? — спросил Бэннон, ускоряя шаг. — Разве мы не хотим попасть внутрь?

Натан тоже забеспокоился:

— Мы преодолели долгий путь, чтобы найти Ильдакар. Я бы не хотел упустить такую возможность.

Амос пожал плечами, немного сбавив темп, — просто из вредности.

— Сейчас саван спал, а значит, властительнице и главнокомандующему волшебнику потребуется минимум неделя на приготовления. Город открыт для внешнего мира.

Никки не терпелось все разузнать и поговорить с представителями города, которые проявят больше интереса к чуже-

странцам. От Амоса и его приятелей она больше ничего не ожидала: подобные бездельники встречались ей и раньше.

— Мы не знаем, сколько времени займут наши дела. — Никки взглянула на Натана: — У волшебника есть важная просьба к вашим правителям.

— А Никки должна спасти мир, — вмешался Бэннон. — Их послала сюда ведьма.

— Ведьма? — Амос снова закатил глаза. — Слабая колдунья? Ничтожная провидица? Ведьмы в Ильдакаре имеют очень низкое положение. В нашем городе уважают лишь настоящего одаренных.

Никки была даже рада, поскольку была по горло сыта ведьмами.

— Почему ваши волшебники оказались в разы могущественнее своих противников? Разве в те дни не было иных одаренных врагов? Сноходцев? Творцов?

— Ильдакар уникален, потому что наши волшебники объединились. В ходе секретных исследований они обучились магии и заклинаниям, о которых больше никто не знает. Когда они объединили свои силы, то стали непобедимы для любого врага извне.

По голосу Амоса Никки поняла, что тот лишь повторяет слова, которые слышал всю свою жизнь. Но все же это походило на правду.

Вскоре они достигли первой внешней стены и оказались перед высокими двойными воротами на огромных железных петлях. Створки были сделаны из твердой как камень древесины, и каждая доска была длиной с дерево.

Врата выглядели неуязвимыми против любого штурма или стенобитного орудия. Никки пробежалась по ним взглядом, пытаясь решить, достанет ли ей силы проломить ворота извне — или изнутри, если понадобится.

— А они впустят нас? — встревожился Бэннон.

— Впустят, — фыркнул Амос. — Я сын властительницы и главнокомандующего волшебника. — Он подошел к двери высотой с человеческий рост, расположенной на левой створке, и ударил кулаком. — Верховный капитан Эйвери, вы на дежурстве? Открывайте! Я привел посетителей.

Из-за двери послышались голоса, затем что-то загрохотало и лязгнуло, когда железные засовы покинули свои гнезда.

Она почувствовала вспышку магии — это открылся иной вид затворов — а затем маленькая дверь распахнулась. В проеме стоял высокий и статный стражник в мундире и с красным наплечником на левом плече. Коричневая кожаная броня, усиленная стальными пластинами, закрывала торс мужчины, но руки оставались голыми. На широком поясе висели кинжал и короткий меч в ножнах. Несмотря на теплую погоду, на стражнике была накидка, подбитая коричневым мехом незнакомо-го Никки зверя. Высокие сапоги стражника доходили почти до колен.

Капитан стражи посмотрел на Амоса, не обратив внимания на незнакомцев:

— Мы уже вас ждали, молодой человек.

Амос и двое его друзей протиснулись через дверь.

— Сколь бы близко вы ни были знакомы с моей матерью, капитан, вы не имеете права мне приказывать. — Он взглянул через плечо на Никки, Натана и Бэннона, которые все еще ждали, когда их представят. — Это верховный капитан Эйвери, командир городской стражи. Он знает, что делать. — Юноша снова повернулся к мускулисту воину. — Женщина — колдунья, а старик заявляет, что он волшебник. Кажется, у них какое-то дело в Ильдакаре, и они проделали долгий путь. Я передаю их вам. Отведите их к моим родителям в башню властителей. — Он взглянул на Бэннона, задумавшись. — Полагаю, ты остаешься с ними?

Бэннон пригладил длинные рыжие волосы и принял решение:

— Да, я пойду с ними.

Амос явно потерял к ним интерес.

— Прекрасно. У нас с друзьями есть и другие дела.

Джед придвинулся к Амосу:

— Давай сначала сходим в бани? Рабы принесут нам поесть.

— Я-то думал, ты первым делом отправишься к шелковым якседам, — сказал Брок.

— Успеется, — ответил Амос. — У нас куча времени.

Не оглядываясь, трое юношей двинулись в оживленный город, а верховный капитан Эйвери окинул хмурым взглядом чужестранцев.

— Проходите.

Он захлопнул за путниками дверь и задвинул многочисленные засовы, восстанавливая защиту.

— Добро пожаловать в Ильдакар, — сказал капитан надежно запертым внутри странникам.

Глава 7

Никки не любила быть запертой. Тем более на замок.

Когда небольшая дверь была запечатана, колдунья окинула взглядом высокие городские ворота. Они казались несокрушимыми, на слои дерева были нанесены необычные узоры и даже изогнутые линии отклоняющих заклинаний.

Натан тоже задумчиво и хмуро посмотрел на деревянный барьер позади, но затем заставил себя улыбнуться.

— Мы хотели попасть в этот город, и вот мы внутри, — сказал он Никки. — Считаю, что это определенный успех.

Никки решила взять инициативу на себя и повернулась к верховному капитану Эйвери. Стройная женщина в черном платье и с длинными светлыми волосами не казалась капитану

опасной, хотя в ножнах у ее бедер покоились кинжалы, но сила в ее голубых глазах заставила его замереть.

— Меня зовут Никки, я представитель Д'Харианской империи. Рядом со мной Натан Рал, волшебник и посол Д'Хары по особым поручениям.

— А это — наш попутчик, Бэннон, — добавил Натан.

Юноша дотронулся до рукояти своего меча:

— Я вроде как их охранник. — Он оглянулся на трех парней, которые растворились в толпе, даже не обернувшись.

Эйвери смерил их оценивающим взглядом. На его узком лице, привлекательном и надменном, застыло каменное выражение. У него были короткие каштановые волосы, щегольские усы и гладко выбритый подбородок.

— Мы пришли в Ильдакар поговорить с вашими правителями, — сказала Никки.

— Тогда мой долг — отвести вас в башню властителей. Нам туда. — Кивком он указал на вершину плато, где стояла изящная башня, свысока взиравшая на нижние уровни города. — Я не знаю, заседает ли сейчас палата волшебников, но там должны быть властительница и главнокомандующий волшебник. — Оставив стражу у ворот, Эйвери взял с собой пятерых вооруженных солдат в качестве эскорта.

Ильдакар пестрел разнообразными цветами, экзотическими запахами и завораживающими видами. Эйвери шагал, будто на марше, и явно не намеревался медлить или отвлекаться на разговоры. Обитатели города провожали группу взглядами, а Бэннон вертел головой, впитывая в себя чарующую обстановку.

— Этот город даже больше Танимуры.

Никки окинула взглядом улицы и ближайшие здания.

— Танимура больше по площади, но Ильдакар имеет более плотную застройку — ни дюйма не потрачено впустую.

Дворяне, купцы и лавочники были облачены в свободные чистые одежды из ярких тканей, в то время как остальные бы-

ли одеты в серые льняные штаны и грубые туники с потертыми рукавами и воротниками. Вместо хорошо подогнанных сапог на ногах людей в сером были сандалии. Никки предположила, что они — низший класс, рабочие, потому что эти люди несли кувшины с водой, тянули тележки, поднимали ящики или прочищали сточные желоба. И отводили взгляд.

Следуя за стражниками по извилистым мощеным улицам, она заметила, что даже здесь, на нижнем уровне, брусчатка была в хорошем состоянии, тротуары подметены. Кирпичные дома были побелены, крыши покрывала глиняная черепица ярких цветов, напоминавшая чешую дракона. Рабочие взбирались по деревянным лестницам на крыши, заменяли разбитые плитки или вставляли новые фрагменты, создавая узоры, которые можно было увидеть только с верхних уровней Ильдакара.

На высоких зданиях и колокольнях висели отороченные золотом пурпурные флаги. На знаменах красовался вездесущий символ Ильдакара: изображение солнца, от которого расходятся зазубренные стрелы молнии. Символ источал власть и угрозу.

Улицы образовывали восходящую спираль, напоминавшую раковину улитки. Они вели к вершине сужающегося плато. На верхнем уровне располагались самые величественные здания — великолепные особняки, бросающаяся в глаза ступенчатая пирамида, а также высокая башня на краю крутого обрыва.

— С геологической точки зрения ландшафт города весьма необычен, — сказал Натан. — Волшебники Ильдакара, должно быть, подняли плато над равниной, превратив его в защищенную крепость.

— Да, — коротко кивнул Эйвери, — вместо того чтобы искать подходящее место, волшебники сами сотворили его — они подняли половину долины, а затем построили этот величественный город, который простоял тысячелетия и простоит еще вечность.

Они ступили на небольшую площадь на пересечении переулков с главной улицей. Женщины наполняли кувшины в фонтане, вода в котором лилась из бронзовой речной рыбыны. Кто-то ополаскивал лицо в чашах с водой, установленных прямо на стенах и наполнявшихся из акведуков, проложенных по всему городу.

Узкие полосы возделываемой земли на городских склонах были плотно засажены карликовыми фруктовыми деревьями и орешником. По наклонным узким виноградникам ходили рабочие, едва удерживавшие равновесие, и собирали виноград в корзины, подвешенные на бедрах. Проворные дети в серой одежде взбирались по густым ветвям фруктовых деревьев и, раскачиваясь среди листвы, дотягивались до плодов. В горшках на подоконниках были россыпи разнообразных цветов, которые наполняли воздух сладковатым благоуханием.

Никки почувствовала мучительный укол боли. Цветущие сады всколыхнули воспоминания о маленькой отважной Чертополох, которая мечтала увидеть возрожденную красоту мира, в том числе и эти не приносящие пользы цветы. Никки пришлось убить девочку, чтобы получить необходимое оружие. Черный водоворот горя и вины захлестнул колдунью, и она замедлила шаг; уже в следующий миг она собралась с мыслями и укрепила стены вокруг своих эмоций. Ее сердце давным-давно превратилось в кусок черного льда, и сейчас она не хотела позволять ему растаять.

— Эти оливковые деревья растут прямо на камнях? — поинтересовался Натан, указав на деревья и откинув назад длинные белые волосы. — Обожаю оливки.

— Это личная роща властительницы. Вкус плодов восхитителен, потому что почва удобрена телами рабов.

По спине Никки пробежал холодок.

— От этого они становятся вкуснее?

Эйвери кивнул:

— Вкус яркий и насыщенный. Наполненный жизнью.

— Вряд ли рабы согласились бы с этим, — пробормотал Бэннон.

Обитатели Ильдакара выглядели спокойными, но Никки не заметила ни радости, ни звуков музыки. Разговоры в основном шли о делах, никто не болтал попусту.

— Капитан, много ли у вас гостей извне? — спросил Натан. — Как часто саван спадает, являя остальному миру Ильдакар?

— За пятнадцать столетий мы потеряли связь с большей частью мира, но иногда покупаем товары, которые в основном привозят по реке, а иногда и из горных поселений на севере. В настоящее время мало кто знает, что Ильдакар появился из-за пелены времени.

— В таком случае, мы рады возобновить дипломатические переговоры, — сказал Натан. — Мы желаем рассказать о Д'Харе и новом правлении лорда Рала. Также у меня есть важная личная просьба.

— Наши правители выслушают вас, — сказал Эйвери, но больше ничего не пообещал. — Властительница Тора и главнокомандующий волшебник Максим решат, сможете ли вы остаться в Ильдакаре или должны будете уйти до восстановления савана.

Никки нахмурилась:

— Ваше приглашение преждевременно, капитан. Мы не собираемся оставаться и уйдем до того, как окажемся в ловушке.

Эйвери не понял, что ее беспокоит:

— Я не приглашал вас, а просто констатировал факт. Решать будет властительница.

Чуть впереди юноша в простой рубахе и грязных шароварах вел по улице группу неповоротливых выючных животных с мощными плечами и бурым мехом. Чем-то они напоминали коров. Животные медленно брели, мыча так жалобно, словно их вели на скотобойню.

— Парень, убери с дороги своих яксенов! — рявкнул Эйвери. — Веди их по переулкам, а не по главным улицам.

— Простите, капитан. — Мальчишка с гривой каштановых волос лучезарно улыбнулся, продемонстрировав отсутствие переднего зуба. — Животным нужно попить из фонтана, а потом я их уведу по боковой улице.

— Им не стоит пить из общественного фонтана — уж точно не на верхних уровнях города.

— Но властительница говорит, что вода для всех.

— Говорит, — Эйвери перешел на рык. — Вот и пой их у себя дома. Эти фонтаны для одаренных дворян и уважаемых торговцев. И они не хотят, чтобы в их воде плавала слюна яксенов.

— Прошу прощения, капитан, — сказал мальчик, совершенно не раскаиваясь. Он щелкнул острым кончиком хлыста, попав по ляжке самого последнего яксена. Животные двинулись вперед с печальным мычанием.

Двое созданий повернули головы, оглядываясь на путников, и Никки, которая ожидала увидеть тупую коровью морду с широко расставленными глазами, с удивлением уставилась на человекоподобные черты яксенов, напоминавшие искаженных проклятых людей. У них были спутанные космы волос и густые бороды. Из открытых пастей текли бледные струйки слюней. Тупые рога казались не более чем украшением. Яксены отвернулись и побрели дальше.

Никки смотрела им вслед, не в силах справиться с потрясением.

— Добрые духи, это люди?

— В них почти не осталось человеческого, — ответил Эйвери. — Это просто яксены.

Когда мальчишка угнал животных прочь, эскорт повел их через площадь к боковой улице. Здания расступились, и Никки увидела на вершине плато башню властителей, нависшую над ними. Башня напомнила ей огромный маяк гавани Графана.

На этом краю площади толпились люди, и Никки уловила волнение, которого раньше не замечала. Мужчины и женщины

в серых одеждах низших классов переговаривались и шептались, а рядом с ними стояли ярко одетые торговцы и дворяне.

Когда Эйвери и его стражники начали проталкиваться вперед, кто-то засвистел в знак тревоги. Люди разбрелись по своим делам, ныряя в дверные проемы и спеша прочь, как стая птиц, разлетевшихся по небу.

Лицо Эйвери потемнело, когда он подошел к кирпичной стене за углом боковой улочки. Блестящие серебристые осколки в трещинах между кирпичей походили на украшения. Дверные косяки и оконные рамы тоже блестели от осколков.

— Смотрите, маленькие зеркала, — сказал Бэннон. — Кто-то украсил переулок.

Эйвери обнажил свой короткий меч и плашмя ударил им по осколкам зеркал.

— Немедленно убрать! — приказал он своим подчиненным. — Обыщите эти улицы и проверьте, нет ли где еще зеркал. — Он снова взмахнул мечом, и раздался звон разбившегося стекла. — Уберите все до кусочка!

— Неужели вы боитесь собственного отражения? — спросила Никки с ноткой сарказма.

— Меня больше волнуют восстания, — огрызнулся капитан стражи. — Это сделали последователи Зерцалоликого. Они хотят, чтобы мы думали, будто их больше, чем на самом деле, и проворачивают свои дела по ночам, чтобы подразнить нас. Мы не можем позволить им укрепить позиции.

— Зерцалоликий? — Натан задумался. — Звучит интересно. Расскажите о нем, пока мы идем к башне?

— Нет. Как капитан городской стражи я обязан оберегать и защищать Ильдакар. Если хотите историй, спросите владелицу или главнокомандующего волшебника. — Он резко оборвал разговор, быстро зашагав прочь.

Ближе к верхней части плато вдоль наклонных улиц было еще больше клумб, садов и живой изгороди. Эйвери не проро-

нил ни слова, пока они не оказались у входа в башню властителей.

Глава 8

Высокий каменный столп стоял на краю плато из песчаника и напоминал бивень какого-то древнего зверя. Высеченные на стенах змеинные петли и линии образовывали затейливую паутину, поднимавшуюся по спирали до самой вершины, с которой открывался обзор на жилые кварталы и извилистые улицы внизу.

Натан уставился на отвесные стены башни:

— Добрые духи, это же сеть защитного заклинания, встроеного в башню. Должно быть, она непрístupна.

— Говорят, что так и есть, — ответил Эйвери. — Но проверить не приходилось, поскольку никто еще не пробил брешь во внешних стенах Ильдакара.

На широком верхнем уровне плато располагались величественные здания и особняки, а также внушительная пирамида, украшенная странными металлическими устройствами. Никки подумала, что ступенчатое сооружение могло оказаться астрономической обсерваторией. Сверху им открылся потрясающий вид на город, на его узкие поля и висячие сады, фонтаны и водоемы, отполированные баки для воды и черепичные крыши, которые складывались в радугу далеко внизу.

— Оборонная система впечатляет, — сказала Никки. — Город выстоит, если его жители не забудут, что всегда найдется желающий уничтожить его.

Эйвери вошел в арку, служившую входом в башню, и остальные последовали за ним. Никки почувствовала, что температура упала на несколько градусов. Бэннон вытер испарину со лба и откинул свои длинные рыжие волосы.

— Здесь намного прохладнее.

— Волшебники поддерживают прохладу, — пояснил Эйвери. — Обратите внимание на глифы на стенах.

Странные узоры, вырезанные на внутренних каменных блоках, источали магию. Никки поняла, что это точки сосредоточения пассивного заклинания.

— Магия переноса?

Натан кивнул:

— Да, глифы забирают из воздуха избыток тепла и направляют его в другое место — возможно, на кухни или в камины.

Эйвери не высказался по этому поводу и продолжил вести их в глубину башни, к центральной лестнице со ступенями из различного камня: гранита с зелеными прожилками, белого и черного мрамора. Резные перила походили на угрей, сползающих по лестнице.

Ступени окончились площадкой, за которой последовал еще один пролет, приведший их на третью площадку в самом верху башни. Дальше ступени вели в просторный приемный зал. Следуя за капитаном, Никки интуитивно уловила психологический аспект планировки здания. Джегань многому научил ее, когда строил множество огромных сооружений на захваченных землях. Крутая лестница с несколькими площадками и открытая галерея, ведущая в грандиозный главный зал, служили своей цели: просители шли долго и представляли перед могущественными правителями раскрасневшимися и запыхавшимися.

Но Никки не собиралась дрожать при виде правителей Ильдакара — кем бы они ни были.

Косые солнечные лучи проникали в величественный зал сквозь высокие арочные окна в боковой стене. Через тонкое прозрачное стекло открывался вид на город, раскинувшийся далеко внизу.

Сапоги Эйвери громко стучали по голубым мраморным плитам пола, которые были отполированы до такого блеска,

что казались лужами воды. На возвышении, походившем на остров среди озера голубого мрамора, стояли два величественных трона, на которых сидели мужчина и женщина. Перед возвышением стояли два изогнутых мраморных стола с пустующими каменными скамьями, предназначенные для членов совета. За каждым столом поместилось бы по три или четыре человека.

Эйвери подошел к возвышению и опустился на одно колено. Его подбитая мехом накидка закрыла плечи и спину.

— Властительница Тора, главнокомандующий волшебник Максим, я привел вам гостей из-за пределов савана, из далекой страны под названием «Д'Хара».

Властительница Тора была высокой, стройной и невероятно красивой женщиной — словно сотворенной из фарфора. У нее был узкий подбородок, рот походил на бутон розы, а глаза цвета морской волны врезались в память. Ее блестящие волосы напоминали нити полированной бронзы, уложенные в замысловатые переплетения и завитки. Изящное платье из небесно-голубого шелка было оторочено полосатым серым мехом. Платье начиналось волнистой лентой на ее левом плече, перехватывало полную грудь, а ниже узкой талии превращалось в водопад юбок, прикрывавших ее согнутые ноги до самых лодыжек.

По обеим сторонам от ее трона висели две золотые клетки с щебетавшими певчими птицами, но Тора, казалось, не обращала внимания на птичье пение.

Рядом сидел привлекательный мужчина обычного телосложения — по всей видимости, главнокомандующий волшебник Максим. У него были короткие каштановые волосы, темные брови и козлиная бородка. С ехидной улыбкой он откинулся на спинку трона, положив ногу на ногу. Черные шаровары казались сотканными из обсидиановой ткани, а не из шелка. Рубашка была распахнута, и на шее висела золотая цепочка с

аметистой подвеской, которая угнездилась среди темных кудрявых волос на его груди.

Помня об обещании Ричарду, Никки взяла на себя инициативу и шагнула вперед с высоко поднятой головой. Она заявила о себе, когда взглянула в лицо двоим правителям и не стала кланяться, как верховный капитан Эйвери.

— Мы слышали об этом легендарном городе и пришли с новостями о лорде Рале и о золотой эпохе, которая скоро настанет.

Тора сидела прямо, словно кол проглотила, и сверлила взглядом Никки, игнорируя Натана и Бэннона. Она сухо заговорила звучным голосом:

— Мы приветствуем вас, но Ильдакар независим. Мы мало интересуемся внешним миром.

— Хотя внешний мир всегда нами интересовался, — с усмешкой вмешался Максим. — Моя дорогая Тора лишена любопытства. — Он поднялся с трона плавным, кошачьим движением и шагнул к Никки. — Добро пожаловать в Ильдакар. Мы всегда рады встрече с бесстрашными исследователями из враждебного мира за пределами нашего защитного пузыря. —левой рукой он неопределенно указал на земли за пределами города.

Бэннон оробел, чувствуя себя не в своей тарелке, но Натан последовал примеру Никки. Бывший волшебник расправил рюши на своей рубашке и поправил плащ, приводя себя в пристойный вид, а потом с улыбкой присоединился к разговору:

— У нас есть множество знаний, которыми мы готовы поделиться. Мы с вами могли бы оказаться полезными друг для друга. — Он откинул назад свои длинные волосы, выходя не привычно неуверенным и даже нервным.

Никки знала, как сильно Натан нуждается в ответе.

Набравшись мужества, Бэннон тоже шагнул вперед. Прежде чем колдунья успела предупредить его, чтобы помалкивал, он выпалил:

— Мы видели ваш город из Кол Адаира. Мы пришли из-за гор. Я с острова Кирия. Может, вы слышали о нем?

— Острова находятся в море, — сказала властительница Тора. — А море далеко отсюда, до него многие мили по реке и ее устью.

— Возможно, нам не помешало бы узнать больше, моя дорогая, — произнес Максим. — Ведь знание — сила.

— Силы у нас предостаточно, — возразила Тора.

— Ее никогда не бывает достаточно.

— Вы двое, должно быть, женаты, — отметил Натан паразитительно легкомысленным тоном. — Я прав?

— Уже почти две тысячи лет, — признался Максим, — Поженились еще до того, как генерал Утрос пришел осаждать город.

Судя по ледяному выражению лица Торы, она давно перестала считать годы брака и просто терпела.

Двери в приемный зал открылись, и в помещение спешно вошли шесть волшебников: одаренные мужчины и женщины в балахонах, с амулетами на шее, посохами и другими атрибутами своего положения. Верховный капитан Эйвери поднялся на ноги и отступил назад.

— Члены палаты волшебников прибыли.

— Спасибо, что вызвали их, капитан, — сказала Тора, по-прежнему восседая на троне. — Палата волшебников должна услышать рассказ гостей. — Она выдержала паузу. — Если они скажут что-то стоящее.

Главнокомандующий волшебник Максим сошел с помоста и двинулся по голубому мраморному полу к длинным каменным столам, пока все шесть волшебников занимали свои места. Он торжественно простер руки, оглядываясь на гостей.

— Позвольте представить вам других главных волшебников Ильдакара — Деймона, Эльзу, Квентина, Айвена, Андре и Ренна.

Натан учтиво поклонился, но вопросительно поднял брови:

— Четное число голосов? Должно быть, вы решаете все единодушно.

— Так и есть, — сказала Тора.

— Раньше нас было нечетное количество, но одна колдунья решила бросить вызов властительнице Торе. Очень неразумно. — Максим погладил свою темную бородку. — Как видите, она лишилась своего поста. Бедняжка Лани. — Он указал на белую статую, стоявшую на постаменте напротив стены с окнами, — каменное воплощение высокой, величественной женщины с густыми локонами. Лицо ее выглядело сердитым, рука с согнутыми пальцами была вытянута вперед, словно женщина собиралась сотворить заклинание, но прежде окаменела.

— Это случилось столетие назад, — сказала Тора. — С тех пор никто не бросал мне вызов.

— Мы отлично справляемся и без Лани, ммм? — сказал волшебник Андре. У него была выбритая голова и серо-коричневая борода на кончике подбородка, заплетенная в тугую толстую косу. — У каждого из нас имеется своя работа в Ильдакаре, каждый занимается своей областью знаний.

Никки перевела взгляд с Максима на Тору, заметив между ними незримый ледяной занавес. Она невольно сравнивала эту холодность с безбрежной любовью Ричарда и Кэлен. Властительница и главнокомандующий волшебник явно не имели такой связи, по крайней мере, сейчас.

— Пятнадцать столетий мира, — задумчиво сказала Эльза, пожилая женщина в темно-пурпурном балахоне. — Когда-то мы все объединились, чтобы защитить Ильдакар, и нам это удалось. Теперь у нас есть Ильдакар... такой, какой есть.

— Такой, какой есть, — согласилась Тора. — Мы сохранили Ильдакар и построили идеальное общество, как и желали.

— Мы видели армию снаружи, — сказал Натан. — Сотни тысяч воинов, обращенных в камень. Подобная демонстрация магии впечатляет. Они так и стоят здесь статуями все эти столетия?

— Вызов нашему городу был самой большой ошибкой генерала Утроса, — сказал Максим. — Этот глупец, император Керган, решил, что если у него такая большая армия, то он волен ходить по всему миру и брать все, что нравится. — Максим оттянул шелковую ткань своей расстегнутой рубашки, будто в зале стало жарко. — Но, как вы могли заметить, даже такая огромная армия не смогла противостоять волшебникам Ильдакара. — Он расхаживал перед сидевшими за столами членами палаты волшебников. — Пока Железный Клык прохлаждался в своей столице и позволял своему генералу сражаться от его имени, наш город выстроил оборону, которая обернулась его крахом.

Тора подхватила рассказ, словно хотела отвлечь всеобщее внимание от супруга:

— Генерал Утрос провел свою армию через горы. По сведениям наших разведчиков, он выступил в поход с полумиллионной армией, но до Ильдакара дошли не все. Как прокормить такое огромное войско?

— Или хотя бы половину его численности, — добавил волшебник Деймон. У него были темные волосы до плеч и длинные усы, кончики которых украшал жемчуг.

Айвен, угрюмый и крепкий мужчина с густыми черными волосами и непослушной черной бородой, сгорбился на скамье, словно выскивая, что бы сломать. На нем была коричневая безрукавка из шкуры животного, клейменная странными символами. Никки внезапно подумала, что кожаный жилет очень похож на отмеченную знаками шкуру Мрра.

— Мы, можно сказать, сделали им одолжение, превратив в камень, — проворчал Айвен. — Надо было оставить их там умирать от голода. Или мучиться от болезней. Пусть бы они гнили и умирали, пока мы смеялись бы над ними из-за своих стен.

— Объединившись, мы сокрушили их одним ударом, — сказала Тора со своего высокого трона. — Мы работали с ко-

лоссальной магией, высвобождали мощь духа нашего народа. А что касается цены... — Она с невольным уважением посмотрела на своего мужа. — Главнокомандующий волшебник был центральной точкой заклинания окаменения. Максим использовал магию, чтобы обратить их всех в камень.

Он казался очень довольным собой.

— Я всегда был лучшим скульптором в Ильдакаре, хотя моя милая жена тоже обладает могущественной магией, которую использовала против дорогой Лани.

— Мы прекратили осаду и одолели армию Утроста, но понимали, что война на этом не закончится, — продолжила Тора. — Император Керган мог собрать другое войско, чтобы отомстить, или это мог сделать другой деспот. Мы от этого устали. — Фарфоровое лицо властительницы покраснелось.

— Нам это наскучило, — добавил Максим, посылая Никки улыбку.

Она напряглась. Он с ней заигрывает?

— Итак, мы оградились от опасностей внешнего мира, — продолжил главнокомандующий волшебник. — Мы выстроили заклинание из стен города, а затем возвели саван, который заключил нас в защищенную действительность, где мы безопасно жили на протяжении пятнадцати веков. — Он скрестил свои худые руки поверх распахнутой рубашки.

Тора закинула одну стройную ногу на другую, всколыхнув небесно-голубые юбки.

— Это позволило нам создать здесь идеальное общество. — Она посмотрела на гостей, и ее улыбка напомнила Никки изгиб острого ножа.

Глава 9

Двое молодых ученых добрались до последней линии западных гор вдалеке от Твердыни и остановились, уставившись на широкую полосу воды перед ними. Никки отправила их в путь с важным поручением, но чудесам все не было конца.

Оливер моргнул несколько раз, чтобы сфокусироваться. После нескольких лет в архиве, проведенных при свете ламп за изучением бесчисленного множества поблекших рукописей, его зрение было лучше приспособлено к чтению. Открывшийся простор поражал его воображение.

— Это океан? — спросил Оливер с благоговением. — Я никогда не видел океана.

— Никто из Твердыни не видел, — сказала Перетта. — Ни разу в жизни.

Худенькая девушка, стоявшая слишком близко, рукой заслонила глаза от косых лучей послеобеденного солнца. Она была одной из помнящих, которые использовали свой дар для запоминания бесчисленных магических и исторических книг архива волшебников. К сожалению, из-за этой способности Перетта считала, что знает все на свете.

— Но это не океан, — она подняла тонкую руку с отставленным указательным пальцем, словно читала лекцию. — Это река, впадающая в океан, как и описывали нам жители Локриджа. На противоположной стороне виден берег.

Оливер снова прищурился. Да, на другой стороне был берег, и не так уж далеко.

— Река гораздо шире той, что течет через каньоны Твердыни.

Перетта фыркнула.

— У нас всего лишь ручеек. А это — настоящая река.

Оливер поправил мешок на плечах. Его мышцы болели после многих дней пути по Древнему миру, а лямки натерли кожу.

— Я и настоящей реки никогда не видел. — Он знал, что ему и его спутнице предстоит долгий путь, чтобы доставить важное сообщение лорду Ричарду Ралуу.

Перетта одарила его улыбкой, что делала нечасто:

— Как и я.

Девушка была довольно милой, когда с ее лица исчезало выражение всезнайки. Восемнадцатилетняя Перетта была нескладной, угловатой и слишком уж худой. Оливеру больше всего нравились в ней большие карие глаза и темные кудряшки, из-за которых ее голова походила на одуванчик. Хотя у Оливера было плохое зрение, вблизи он мог хорошо разглядеть лицо своей попутчицы — а они провели рядом много времени с тех пор, как покинули укромные каньоны архива.

Путники спускались к реке из предгорий, придерживаясь старой дороги, которая становилась все шире и была изрезана колесами повозок. По обеим сторонам росли высокие травы, сорняки, цветы, попадались дикие розовые кусты и низкие ивы. Сама мысль о том, что кто-то ходил этой же дорогой, может даже совсем недавно, унимала тоску Оливера по дому. Твердыня осталась далеко позади.

Оливер начал надеяться, что впереди окажется деревня, дружелюбные жители которой предложат ужин и вечерний разговор, не говоря уже о крыше над головой, двух отдельных кроватях... его устроит даже один комковатый тюфяк на двоих. Они с Переттой научились довольствоваться тем, что есть. У них была одна цель с тех самых пор, как колдунья Никки отправила их в путь с заданием.

Люди Твердыни, да и всего мира, были в неоплатном долгу перед Никки и ее компаньонами. Сначала колдунья победила Поглотителя жизни, сила которого могла иссушить весь мир, а после уничтожила Викторию и ее разрушительную бурную растительность. Это стоило жизни бедной сироте Чертополох. С великим прискорбием они похоронили девочку в месте с видом на долину, которую она помогла спасти.

Но у Никки с Натаном была иная цель. В благодарность за их помощь, а еще и потому, что так было правильно, жители Твердыни отправили двух добровольцев в долгое путешествие по неизведанному континенту — в Танимуру и Д'Харианскую империю. У Оливера и Перетты были письма для лорда Рала, а также копии записей из книги жизни Натана. Но самое главное, лорд Рал и сестры Света должны узнать об обширных магических знаниях, которые хранятся в Твердыне.

Поддавшись порыву воодушевления, Оливер вызвался в путь, думая о возможностях огромного мира, о котором ему доводилось только читать. Он толком не знал, на что согласился.

Перетта согласилась составить ему компанию в качестве представителя помнящих, чьи взгляды часто расходились с мнением ученых, к которым относился Оливер. Порочная Виктория была главой помнящих, и юноша задавался вопросом, что двигало Переттой: чувство вины или чувство долга. Никто не спрашивал их о причинах решения, и эти двое просто отправились в путь.

Готовясь к путешествию, Оливер прочесал архив в поисках справочников о населенных землях к западу от гор, о побережье и бескрайнем океане. Он был беспокойным и робким юношей, который часто болел в детстве. Оливер вырос в заставленных книгами туннелях громадной меры и посвятил себя чтению и каталогизации. Воспитанники Твердыни должны были составлять перечень тысяч томов, просто записывая названия и упорядочивая книги, свитки и таблички. Ничего больше — архивные магические знания нельзя было использовать, поскольку они считались слишком опасными. Так оно и было.

«Прежде чем начать истинное обучение, мы должны познать содержимое нашей библиотеки», — так им сказал однажды ученый-архивариус Саймон. К сожалению, Оливер часто настолько погрузился в чтение, что проводил часы за изуче-

нием истории, легенд, географии и мудреных магических знаний... и напрочь забывал о каталогизации.

Перед отбытием он решил заглянуть в известные карты западных земель. Когда он наконец был готов двинуться в путь, нетерпеливая Перетта встретила его за пределами каньона Твердыни.

— Я уже собралась. — Она постучала по лбу пальцем. — Все необходимые знания у меня здесь. Тебе не нужно было беспокоиться.

Удалившись от каньонов и высокого пустынного плато, они пошли по маршруту, подробно описанному и зарисованному Натаном. Из-за смертоносного воздействия Поглотителя жизни в течение многих лет большинство поселений вокруг великой долины были заброшены, от них остались лишь призрачные фундаменты и пустынные улицы.

Однако в маленьких горных поселениях двое путешественников обнаружили сельских жителей, шахтеров, фермеров, пастухов, которые словно пробудились от глубокого неестественного сна. Достигнув городка Локридж, Оливер назвал имена Никки и Натана. Путников встретили с восторгом и дали все, что могло им понадобиться.

С тех пор прошло немало дней, и теперь Оливер с Переттой шли по дороге вдоль реки, слушая ласковый плеск воды. Юноша размышлял о пути, который лежал перед ними и по которому Никки, Натан и Бэннон пришли из Д'Харианской империи. Натертые ноги заставили с унынием думать о бесчисленных шагах, которые еще предстоит сделать, но Оливер упрекнул себя поговоркой, которая всегда утешала его еще в Твердыне: «Можно прочесть даже самую толстую книгу, если читать все страницы по очереди. Можно прочесть всю библиотеку — книгу за книгой, полку за полкой, комнату за комнатой».

Оливер решил относиться к их путешествию таким же образом.

Пятнистая форель с всплеском выпрыгнула из воды, схватила в воздухе муху и упала в воду. Оливер остановился, глядя на рябь на воде.

— Эта река меня впечатлила, — сказал он. — Я знаю, что мы идем в правильном направлении, потому что реки впадают в моря, а нам и нужно добраться до моря.

— Мне это и так известно, — сказала Перетта, тряхнув своими темными кудряшками, и пошла дальше по натопанной тропинке.

* * *

Вниз по течению им попались еще деревни. Жители гостеприимно встретили уставших путешественников, у которых не было денег заплатить за еду и кров. Однако им было, что рассказать.

Кроме того, селяне помогали им сориентироваться и указывали нужное направление. Оливер знал, что их следующей целью была рыбацкая деревушка в бухте Ренда, в которой Никки и ее товарищи дали отпор норукайским работорговцам.

В один из дней они шли при тусклом солнечном свете, страдая от влажного воздуха, который сильно отличался от привычной пустынной сухости. Воды реки питали пышную растительность, высокий рогоз и дикие маргаритки, среди которых носились полчища комаров и мошек. Оливер махал рукой перед лицом, безуспешно пытаясь их отогнать.

— Кажется, они хотят выпить наш пот... как будто воды совсем рядом им недостаточно.

Перетта встряхнула кудряшками.

— Им не нужен наш пот, они пьют кровь. Об этом написано в одной из многочисленных книг, которые я запомнила.

— Кто бы сомневался, — пробормотал Оливер.

Она вызывала у него смешанные чувства. Иногда он наслаждался компанией девушки. Они рассказывали друг другу истории, чтобы скрасить долгий путь. Он рассказывал ей о том, что прочитал, а она пересказывала интересные фрагменты из книг. Но потом ее настроение менялось, словно она считала их партнерство неким соревнованием. Оливер смирился с этим, так как не хотел ссориться.

Однажды она запнулась на середине предложения, забыв выученные слова, и повела себя так, будто ошибка была катастрофой. Ее темно-карие глаза наполнились слезами, губы задрожали. Она бросилась в высокую траву, сказав, что ей срочно нужно в кусты. Ее долго не было, и Оливер знал, что она плачет, но не понимал, почему...

Они продолжили путь по наезженной дороге вдоль реки, и вскоре холмы расступились. Путешественники остановились, увидев, что река расширяется и впадает в бухту. Мир перед ними состоял из бескрайней синей воды с белыми росчерками волн. У Оливера сжался желудок при мысли об этом водном просторе. Он не видел дальнего берега, но вовсе не из-за плохого зрения. Вода тянулась бесконечно, исчезая за горизонтом.

Рядом с ним Перетта замолкла на полуслове, округлив карие глаза. Она со вздохом прикоснулась к его руке.

— Добрые духи, будто полмира затопило!

— Думаю, это и есть океан, — сказал Оливер.

Перетта кивнула, на этот раз не споря.

— Полагаю, ты прав.

В устье реки они обнаружили поселение. Бухта Ренда оказалась там, где они и ожидали. Бодрым шагом они вошли в деревню, вспоминая рассказы Бэннона, Натана и Никки о набеге рабовладельцев. Эти трое дали отпор безжалостным норукайцам и оставили жителей восстанавливать поселение.

Когда жители бухты Ренда увидели Оливера и Перетту, идущих по дороге из глубины материка, то не выказали ни малейшего удивления. Видимо торговля по реке была обычным

делом. Приблизившись, путники приветственно подняли руки. Несколько любопытных вышли вперед, и Оливер назвал имя той, кому здесь рады:

— Колдунья Никки послала нас сюда, мы держим путь в Д'Хару.

— Путь предстоит долгий, — сказала Перетта. — И мы надеемся на вашу помощь.

Жители деревни зашептались одобрительно и удивленно. Оливер покрутил головой и заметил светлую тесаную древесину новой постройки в центре поселения, а также каменные башни, которые строились на обоих мысах бухты.

Широкоплечий мужчина с короткими русыми волосами улыбнулся им. Лицо его было уставшим, под глазами виднелись мешки, будто последние несколько недель он почти не спал.

— Я Таддеус, новый глава поселения. Если вас послали наши спасители, мы вам рады. Чем можем помочь?

Перетта выступила вперед и затараторила:

— У нас чрезвычайно важная информация от Никки и Натана, и еще новости об архиве Твердыни. Мы получили строгие указания доложить обо всем лорду Ралу и сестрам Света, как только сумеем их найти.

Таддеус кивнул:

— Они дали нам такие же указания перед тем, как ушли вверх по реке. Мы уже отправили двух посланников на север, но не знаем, как далеко они смогли пройти. И у вас двоих гораздо больше новостей.

Прежде чем ответить, Оливер вытер пот со лба и отогнал жужжащую муху:

— Нам нужна лодка и тот, кто сможет доставить нас на Призрачный брег, в города на севере. Это только начало пути.

Глава поселения не колебался:

— Предоставим все, что нужно. Для Никки мы сделаем что угодно.

Глава 10

Волшебники Ильдакара устроили в честь гостей роскошный пир.

Натан много столетий читал о мифическом древнем городе и теперь наслаждался прогулкой по спиральям улиц и видом всяких садов, побеленных зданий, черепичных крыш и величественных высоких башен. Он хотел ущипнуть себя, чтобы проверить, не погрузился ли он в некий транс.

Но его интерес к славе Ильдакара был не только академическим. Натан надеялся, что найдет здесь решение своей проблемы. Эта надежда зародилась в нем, когда он увидел мегаполис с головокружительной высоты Кол Адаира.

Оказавшись там, волшебник узрит то, что поможет ему вновь обрести целостность.

Теперь он знал, что это значит. Натан был уверен, что именно здесь он должен был оказаться, и именно здесь легендарные талантливые волшебники смогут возродить его дар. Он вновь обретет целостность.

— Отличный повод для великолепного пира. — Главкомандующий волшебник Максим стал выкрикивать распоряжения так громко, что испугал жаворонков Горы: — Созовите поваров! Забейте свежего яксена. Пусть пекари потрудятся на славу. У нас будет пир! — Максим с сарказмом глянул на невозмутимую властительницу. — Как видите, моя жена просто дрожит от предвкушения.

Тора провела руками по голубому платью, которое льнуло к телу.

— Ильдакар будет защищаться от всех врагов, как внутренних, так и внешних, но мы с теплом и добротой относимся к нашим друзьям.

Верховный капитан Эйвери стоял рядом с властительницей, и Натан заметил, что тот питает к своей правительнице любовные чувства. Хотя Эйвери командовал обороной всего города,

его больше интересовала защита этой красивой, но холодной женщины.

Подошли слуги, которые не поднимали глаз и разговаривали приглушенными голосами. Повинуясь приказу, они вывели Натана, Никки и Бэннона из башни властителей и пошли через вершину плато к большому вычурному особняку.

— Это дворец главнокомандующего волшебника и властительницы, — сказал слуга, который постоянно вздыхал. — Каждому из вас полагаются покои для гостей. Там вы сможете помыться и переодеться в свежую одежду, которую мы предоставим. Пир начнется через час. — Мужчина любезно улыбнулся, но без теплоты. — Надеюсь, вы проголодались.

У Натана заурчал живот, и старик решил, что не против застолья. Ему не терпелось изложить свою проблему и попросить волшебников вернуть его дар, чтобы он снова мог использовать мощь магии...

— Через час? — спросил Бэннон. — На подготовку к такому роскошному пиру может уйти несколько дней.

Слуга прищурился, отчего в углах его глаз появились морщинки.

— Да, но члены палаты волшебников не пожелают ждать. Как они повелели, так мы все и устроим.

Особняк представлял собой огромное строение с искусными украшениями. Высокие колонны были из мрамора с красными и золотыми прожилками, на замысловатых капителях были выгравированы руны заклинаний. На пурпурных знаменах красовался символ Ильдакара — солнце с расходящимися от него молниями.

После, как слуги проводили Бэннона и Никки в их комнаты, Натан оглядел свои покои — с большой кроватью, прозрачными занавесками на распахнутых окнах, цветочными горшками с багряным львиным зевом и геранью, которая свисала за перила балкона. На стене висела чаша для умывания с зеркальной гладью воды.

Когда Натан погрузил руки в воду, отражение волшебника расплескалось. Дорожная пыль покрывала его лицо, а длинные волосы превратились в космы. Он быстро умылся и осмотрел одежду, оставленную слугами. Так приятно вновь облачиться в приличную одежду.

Через час посвежевший Натан Рал в ильдакарском наряде чувствовал себя новым человеком, хотя пока и не волшебником. Предоставленный ему балахон был сшит из плотного шелка изумрудного цвета. Манжеты и подол были оторочены медью. Этот наряд отличался от щегольской дорожной одежды Натана, но хотя бы был чистым.

Волшебник расчесал свои влажные волосы черепаховым гребнем, который нашел среди обломков после кораблекрушения на Призрачном берегу. Он был приятно удивлен, обнаружив, что его волосы отросли достаточно, чтобы перевязать их лентой. Не найдя зеркал, чтобы оценить свой внешний вид, Натан посмотрел на свое отражение в воде настенной чаши и решил, что выглядит вполне недурно. Такой изысканный наряд подходил странствующему послу Д'Хары.

Когда он присоединился к Никки и Бэннону в холле перед обеденным залом, то увидел, что юный мечник тоже умылся и надел новую бордовую тунику с черным поясом и свободные коричневые шаровары, в которых ему явно было неловко.

Никки тоже предложили изысканный наряд, но она предпочла постирать свое черное дорожное платье и высушить его своим даром. Фасон отличался от моды Ильдакара на просторные одежды, но Никки выглядела потрясающе. Ее светлые волосы были расчесаны и заколоты назад. Украшений она не надела, проигнорировав множество вариантов, предложенных хозяевами. Казалось, колдунья не нуждается в драгоценностях.

— Выглядишь очаровательно, колдунья, — произнес Натан.

Никки посмотрела на него, подняв брови.

— Я предпочитаю не очаровательно выглядеть, а вызывать уважение.

— Твоя красота вполне справляется с этой задачей.

— Надеюсь, я смогу помочь тебе добиться того, к чему ты стремишься, волшебник. Мы будем рады, если ты вернешься в норму. — Она повернулась и пошла за прислугой в обеденный зал. Натан знал, что Никки не нравилось ни получать комплименты, ни раздавать их.

Бэннон с улыбкой последовал за Никки.

— Я никогда не бывал в таком городе. Пир с правителями! Пресвятая Мать морей, хотел бы я рассказать об этом на Кирии.

— А кому? Я полагал, что на острове у тебя никого не осталось. — Натан не подумал о боли, которую могут причинить такие слова.

Юноша переменился в лице. На Кирии его жестокий отец избил мать до смерти. Ян, друг детства, был захвачен норукайскими работорговцами, и сбежавший Бэннон остался один на один со своим чувством вины. Нет, напоминания об отчем доме не были приятными.

Чувствуя себя виноватым, Натан сжал плечо Бэннона:

— Прости, мой мальчик. Мы отправились увидеть мир, как ты и хотел, а Ильдакар — наша самая важная цель. Мы вместе насладимся этим городом.

Бэннон нацепил на лицо жизнерадостное выражение:

— Да, это точно.

Втроем они вошли в огромный обеденный зал — просторное помещение с открытым потолком, с которого свисали покачивающиеся плети пурпурного вьюнка. На обеденном столе через каждые пять футов стояли вазы с пышными букетами. Золотая клетка с певчими птицами висела на стойке позади кресла властительницы. Жаворонки порхали по клетке и изредка неохотно пели.

Когда Натан посмотрел на изобилие блюд на столе, его живот снова заурчал. Посреди стола стояла подставка со шкворчащим мясом с травами, сок с которого стекал в овальную

миску. В корзинах лежал хлеб с ягодами и сухофруктами, которые напоминали инкрустированные в золото драгоценные камни. Тут были чаши с целыми горами фруктов и творожным пудингом; блюда с жареным картофелем и яркими корнеплодами, смазанными таявшим маслом. Повсюду суетились слуги, будто муравьи в растревоженном муравейнике.

Тора и Максим сидели во главе стола, а Эйвери стоял возле них навытяжку. Шестеро членов палаты волшебников расселись по обеим сторонам стола. Натан с удивлением обнаружил за столом Амоса и двух его друзей. Увидев трех юношей, Бэннон поприветствовал их улыбкой, а затем растерялся, когда они не обратили на него внимания.

Эльза, пожилая представительница палаты волшебников, была в серебристом платье, подчеркивавшем ее крепкую фигуру. На плечах у нее была кружевная серая шаль. Она посмотрела на Натана и указала на свободное место рядом с собой.

— Волшебник, не присоединитесь ко мне? Кресло рядом с главнокомандующим волшебником отведено для колдуньи Никки.

— С радостью, моя дорогая, — сказал Натан, присаживаясь к ней.

Эльза была скорее привлекательной, чем красивой, и напоминала Натану аббатису Аннелину Алдуррен, с которой он провел немало времени после того, как они спланировали побег из Дворца Пророков. Энн была интересным спутником и, хотя она частенько разочаровывала Натана, волшебник относился к ней с теплотой. Он с грустью вспоминал, что ее убили сестры Тьмы, но за свою тысячелетнюю жизнь смирился с неизбежностью потери друзей и близких.

Натан улыбнулся Эльзе и собрался с мыслями, разгладив складки своего зеленого балахона.

— Пахнет аппетитно, да и компания прекрасная.

— Ильдакар постарался на славу, — произнесла властительница Тора. — Нам не терпится услышать, откуда вы пришли и зачем.

Обворожительная Никки в черном платье сидела с прямой спиной рядом с Максимом. Ее тарелка была пуста, а члены палаты волшебники ждали, пока слуги обслужат их. Высокий длиннорукий мужчина стал кривым ножом нарезать ломтиками сочное жареное мясо. Он положил кусок на тарелку Никки, потом Натана, а затем и Бэннона.

— Жареный яксен — это изумительное, особое блюдо нашего города, — сказал Максим, причмокивая губами.

— Подайте мне самый недожаренный ломтик, — проворчал Айвен со своего места.

— Яксена вскармливают особым образом, чтобы получить самое нежное мясо, — пояснил волшебник Андре, сидевший рядом с Айвеном. — Мы тщательно занимались их разведением в течение полутора тысяч лет нашей изоляции, ммм? Каждый кусочек просто тает во рту. — Он поднял тарелку, чтобы туда положили порцию мяса.

Никки, которую мало интересовала еда, заговорила деловым тоном:

— Мы пришли из Д'Хары. Наш магистр Ричард Рал одержал победу над воскресшим Сулаканом, а до этого над Джеганем и Имперским Орденом. После победы мы отправились в Древний мир, чтобы рассказать о новом порядке и убедиться, что тиранов больше нет.

Натан промокнул губы салфеткой и сказал:

— Также у нас есть и личные причины. Мы верим, что ведьма направила нас сюда. — Он вытащил свою книгу жизни из кожаной сумки, которую всегда носил на боку. — Вот что дало нам направление, — сказал он и прочитал слова, написанные в книге: — *Будущее и судьба зависят как от путешествия, так и от его цели. Кол Адаир лежит далеко на юге Древнего мира. Оказавшись там, волшебник узрит то, что*

ему нужно, чтобы вновь обрести целостность. А колдунья спасет мир. — Он улыбнулся всем. — Мы увидели ваш город с горного перевала, как и предсказывали эти слова. Поэтому мы думаем, что кто-то из вас способен помочь мне снова стать цельным.

Андре оглядел его сверху вниз.

— И какой части вам не хватает, ммм?

Натан неожиданно занервничал, когда пришло время рассказать о своей слабости и неудачах. Он коротко кашлянул в кулак.

— Недавно я утратил дар пророчества, — что, в общем-то, оказалось не так страшно. Но во мне изменилось еще кое-что. Похоже, у меня небольшая проблема. — Он сглотнул, скрыв это нервной улыбкой. — В Д'Харе я был великим волшебником и пророком, но, когда пророчество было изгнано за завесу подземного мира, оказалось, что мой дар пророчества неким образом связан с магическим даром. Он... распустился, и я уже не могу использовать магию. Когда я попытался сотворить заклинание, последствия были... — Он всплеснул руками. — Скажем так, они были поразительными и непредсказуемыми.

Максим махнул рукой:

— Никто из нас веками не интересовался пророчеством. Саван отрезал нас от потока времени, и нас не заботили предсказания и предзнаменования. У нас не было пророков со времен Великой войны... и мы не скучали по ним.

Темнокожий волшебник Квентин подцепил рулет с изюмом, осмотрел его, а затем обратился к Натану, протягивая руку за маслом:

— Не понимаю. Дар — врожденная черта личности. — Облачко его седых волос казалось дымком, опустившимся на его голову.

— Он утратил не только дар пророчества. — Тора искоса хмуро посмотрела на мужа. — Он утратил дар полностью. Как такое возможно?

— Я не знаю, — сказал Натан. — Вот почему мы пришли сюда по подсказкам ведьмы. У кого-то в Ильдакаре должен быть ответ. — Он оглядел обеденный зал. — Хоть у кого-то?

— Это очень тревожно, — сказал Ренн, причмокнув. Он вытер рот от жира, но одна капелька все же попала на его бордовое одеяние. — У всех нас есть дар, у каждого из нас. — Тучный мужчина с несколькими подбородками заморгал от беспокойства. — А если вы лишились своих способностей, волшебник Натан, то, вероятно, можем и мы. А вдруг это заразно? Как лихорадка?

Никки оглядела сидевших за столом.

— Я давно с ним путешествую, и мой дар никак не изменился.

Андре сел прямо, нахмутив брови.

— Это требует дальнейшего изучения. Волшебник Натан будет интересным объектом для исследований.

— Нам следует называть его «бывшим волшебником Натаном», — сказала Тора. — В Ильдакаре одаренные получают определенные привилегии. Если этот волшебник бессилен, тогда нам придется придерживаться данного суждения.

Андре наклонился через стол, изучая Натана как необычный образец:

— У меня много аналитических заклинаний, ммм? Нам нужно провести испытания и взять кровь для анализа.

— Андре — величайший повелитель плоти в Ильдакаре, — пояснила Эльза. — Его мастерство легендарно.

Андре откусил сочное мясо и заговорил с набитым ртом:

— Например, несколько веков назад я помог создать яксена. Благодаря моей работе у них такой изысканный вкус.

Любопытствующий Бэннон поднял взгляд:

— Кто такой повелитель плоти?

Андре погладил тугую косу бороды, торчащую вперед.

— Я могу переделывать и изменять живых существ.

— За эти годы он вывел много интересных созданий, — добавил Айвен. — Мы используем их на арене.

Натана пробрал холодок при воспоминании об ужасном боевом медведе, который напал на них в холмах. Человек, способный создать такое существо...

Тора взяла слово:

— Опасения волшебника Ренна правомерны. Если одаренный может потерять магию, нам нужно знать, почему. Может, наша собственная магия тоже под угрозой? Нам нужно разрешить эту проблему. — Она кивнула повелителю плоти. — У тебя есть наше благословение, Андре... и твои методы работы. Изучи этого человека.

Серые глаза повелителя плоти сверкнули.

— Я бы сделал это в любом случае. — Он быстро окинул взглядом Никки. — Но ваши силы еще при вас, колдунья? Вы утверждаете, что они не пострадали?

Максим склонился к ней ближе и добавил:

— Вы источаете красоту, но я не верю, что в этом замешана магия.

— Я такая, какая есть, — ответила Никки. — И да, вся мощь моего дара при мне.

— Как замечательно, — сказал Максим. — Классовая система в Ильдакаре зависит от дара человека. К благородному правящему классу принадлежат те, у кого самый могущественный дар. У торговцев и ремесленников есть хоть какой-то намек на дар, но мало силы. А те несчастные, которые не обладают никакими известными способностями, служат нам в качестве рабов. Больше ничего беднякам и не остается.

— Я... у меня нет связанных с даром способностей, — промямлил Бэннон.

— Ты наш гость, — вмешался Амос, как будто только что заметил Бэннона. — Об этом не беспокойся.

— Если ты умеешь обращаться с мечом, у тебя есть определенное умение, — добавил Брок, сидевший возле Амоса.

Бэннон покраснел.

— Умею.

Никки проявляла к еде мало интереса.

— Мы не можем отрицать, что ваш город впечатляет во многих отношениях. Ильдакар мог бы стать южной столицей Д'Харианской империи.

— Лорд Рал объединяет истерзанные войной земли, — добавил Натан, — давая людям свободу и новую надежду жить по своему усмотрению. Д'Харианская армия и мудрое правление лорда Рала пошли бы вам на пользу.

Максим поковырял ложкой в покрытом корочкой пудинге и попробовал кусочек.

— Мы ничего не знаем о вашей Д'Харианской империи.

— Империи рождаются и исчезают с печальным однообразием, — сказала Тора. — У нас было достаточно императоров. Мы не хотим подобной участи для нашего вольного города Ильдакара.

Никки скептически посмотрела на них.

— Вольный город? Вы двое производите впечатление императоров.

— Ничего подобного, — слишком поспешно сказал Максим.

— Ваше предложение запоздало, — проворчал Айвен. — Возможно, союз был бы нам полезен много веков назад, но мы сами решили свою проблему.

— Главный дрессировщик Айвен прав, — добавил Максим. — Мы с радостью приняли бы помощь вашего лорда Рала, когда наш город был осажден генералом Утросом, но мы позаботились о нем посредством нашей собственной магии. — Он взглянул через длинный стол на Никки. — И вам полагается спасти мир, колдунья? Цель достойна моего восхищения! Но мы уже спасены. С Ильдакаром все в порядке.

— Ильдакар — наше идеальное общество, — повторила Тора.

— Возможно, так и есть, но я никогда не встречала идеального общества, которое не нуждалось бы в спасении, — трезво рассудила Никки.

Глава 11

В присутствии уважаемых членов правящего совета Бэннон чувствовал себя жалким и неуместным.

Он видел поразительные возможности дара Никки и знал, на что способен Натан. Эти двое приняли его как близкого соратника, не обращая внимания на отсутствие дара. Юноша стал важной частью их группы, и, конечно, вносил свой вклад. Но здесь, в огромном городе, полном других одаренных людей, Бэннон чувствовал себя неуверенно, словно снова был одиноким мальчишкой на Кирии. Он взглянул на сидевших рядом Амоса, Брока и Джеда. У них были магические способности, которые они продемонстрировали во время устройства лагеря на равнине, но все же Бэннону казалось, что он сможет найти общий язык с ровесниками.

Трапеза шла своим чередом. Юноша склонился к Амосу и тихо спросил:

— Властительница и главнокомандующий волшебник действительно твои родители?

Трое парней были поглощены собственной беседой, но Амос повернулся к гостю, подняв темные брови:

— Да, и это означает, что я могу делать все, что захочу. Тебе понравились твои покои?

— Да! Это самые прекрасные покои, в которых я когда-либо жил.

Джед взял графин и наполнил свой кубок темно-красным вином, а затем долил Бэннону, хотя молодой человек отпил всего лишь треть. Вино было крепким и кружило голову.

— Это очень хорошее вино — кровавое, — сказал Джед. Бэннон замешкался, прежде чем сделать еще один глоток. — Кровавое вино? Оно сделано из крови?

Молодые люди хором рассмеялись.

— Не из крови! Виноградники поливают кровью рабов. Ягоды становятся сочными и крупными, в отличие от любого другого урожая. — Амос сделал долгий глоток, а потом вытер губы тыльной стороной ладони. — Ты определенно почувствуешь разницу.

Бэннон, которого немного подташнивало, лишь слегка пригубил вино. Молодые люди ели мясистые оливки из чаши перед ними, и Бэннон задался вопросом, не были ли это плоды из рощ, удобренных телами мертвых рабов. Амос выплюнул косточку, покатав ее между кончиками пальцев и бросил на пол.

— Обитая под саваном в течение стольких веков, мы были вынуждены использовать все возможные ресурсы. И рабы, конечно, были расходным материалом.

Бэннон откусил от булочки с фруктами, не желая спрашивать, каких усилий стоило вырастить зерно или изготовить муку.

— У вас должно быть много рабов, — пробормотал он, вспоминая Яна, когда-то давно захваченного работорговцами.

— Они сами восполняют свою численность, поскольку им дозволено размножаться, — сказал Амос. — Под саваном нормальный ход времени охватывает весь город, минуя ода-ренную знать, — таких как мои родители и я, — и поэтому мы не стареем. Наше число остается неизменным, а рабы стареют и умирают, или погибают из-за несчастных случаев.

— Или умирают от болезней, — добавил Брок.

— Какая-то часть сбегает — каждый раз, когда спадает саван, — пробормотал Джед, чем заработал свирепый взгляд Амоса. — В горных деревнях наверняка сотни беглых рабов.

Брок промокнул булочкой рот, измазанный в мясном соке, и подхватил рассказ:

— Рабов поощряют размножаться, чтобы поддерживалась их численность. Мы великодушны, и позволяем им выбирать партнера. В последние десять лет у нас есть еще один источник рабов. Мы снова наладили торговлю с внешним миром.

— А ты уверен, что у тебя нет дара, Бэннон? — спросил Амос, нахмурившись.

Юноша не хотел признаваться, что он не умеет творить заклинания и высвободить магию.

— Я не волшебник, если ты об этом, но разве у каждого нет хотя бы небольшой частички дара? Волшебник Натан сказал, что все истинно неодаренные ушли.

Джед фыркнул с набитым маслинами ртом.

— Сдается мне, что ваш Натан больше не волшебник, поэтому он тоже не особенно полезен.

— Он по-прежнему волшебник, — заступился за Натана Бэннон. — Он прожил тысячу лет и обладает обширными познаниями. Многие враги научились, что его не стоит недооценивать. Или меня. — Он коснулся бедра, где обычно был Крепыш.

— Выпьем за нашего нового друга Бэннона Фермера и все его приключения, — забавляясь, поднял кубок с кровавым вином Амос.

Остальные подняли свои кубки, радуясь поводу как следует выпить, но Бэннону казалось, что они смеются над ним. Юноше пришлось сделать большой глоток вина. Оно оставило приятное тепло во рту и горле, и он постарался не думать о крови рабов, которой орошали виноградники.

— Я могу рассказать вам больше о наших свершениях, — сказал он, — как мы спасли великий архив Твердыни и все хранящиеся там знания. — Он кивнул, увидев, что привлек их внимание. Глубоко внутри он хотел произвести впечатление на этих молодых людей.

— Твердыня? Никогда о ней не слышал, — сказал Амос.

— Один из величайших в мире архивов магических знаний. Я помог Натану и Никки сохранить его.

— Какая польза от сложных магических знаний, если у тебя нет дара? — вставил Брок.

— Я спасал Твердыню не для себя, а потому, что так было необходимо. И я тоже сражался. Пускай у меня нет дара, но я помог Никки уничтожить Поглотителя жизни, и я также сражался с порочными лесными чаровницами, созданными Викторией. — Он содрогнулся, вспомнив прекрасных Одри, Лорел и Сейдж. — Они были очень красивыми, но в то же время ядовитыми и смертоносными.

Амос усмехнулся:

— Промежность Владетеля, точно, как одна из шелковых яксенов! — Он посмотрел на Брока. — Та, о которой я тебя предупреждал.

Румяное лицо юноши стало еще краснее от смущения.

— Она только поцарапала меня, но хотела сделать гораздо больше.

— Ее больше нет. От нее избавились, — сказал Джед. — Джес... ее звали Джес.

— Больше бы подошло «Джестокая» — фыркнув, вставил Амос.

Брок, впавший в задумчивость, резал ножом кусок мяса.

Бэннон продолжал рассказывать о своих приключениях:

— Когда сэлки атаковали наш корабль, я убил своим мечом два десятка этих ужасных, кровожадных созданий. Они перебили всех матросов на борту «Бегущего по волнам».

— Но тебе повезло, и ты выжил, — заметил Амос.

— Я выжил, но везение здесь ни при чем. — Он уже собрался рассказать о своем сражении с норукайскими работниками в бухте Ренда, но эти трое не проявляли никакого интереса, поэтому Бэннон неловко закончил свой рассказ. — И... ну, было еще много приключений и сражений. Я расскажу о них в другой раз.

Бэннон и его компаньоны проделали долгий и трудный путь, чтобы добраться до этого города. Он напомнил себе, что сейчас находится в дивном легендарном городе, ужинает с величайшими волшебниками мира. У него роскошные покои, красивая новая одежда и самый восхитительный пир в жизни. В конце концов, это не так уж плохо.

— Интересно, ваши повара знают хорошие рецепты голубцов? — спросил Бэннон. — На острове Кирия мы выращивали капусту.

— Мы тоже выращиваем капусту, — ответил Джед. — Это пища для рабов. Ну и еще мы кормим ей яксенов.

Бэннон почувствовал себя униженным.

— Тогда думаю, лучше оставить рецепты при себе.

Амос рассмеялся над смущенным выражением лица Бэннона и дружески хлопнул его по плечу.

— Не волнуйся, Бэннон, ты — наш новый друг. Нам предстоит многое сделать вместе, и мы позаботимся о тебе. Держись нас. Ильдакар остается неизменным уже много веков.

Бэннону было трудно в это поверить:

— Ничего не изменилось за все это время?

— Раз уж мы пришли к идеальному обществу, зачем что-то менять? — Амос снова поднял свой кубок. — За Ильдакар!

Другие юноши присоединись к тосту.

— За Ильдакар! — Бэннон выпил еще и с удивлением обнаружил, что опустошил свой кубок.

Джед налил ему еще.

— Наш новый друг слишком нервный и зажатый, — сказал Амос. — Кровавое вино поможет расслабиться. И тогда мы покажем тебе величайшие удовольствия Ильдакара.

— Тебе бы этого хотелось, Бэннон Фермер? — спросил Брок.

Бэннона напугала перспектива «величайших удовольствий», так как он не понимал, на что намекают его новые друзья. Но он не осмелился отказаться. Натан и Никки будут про-

водить время с палатой волшебников, пока старик будет пытаться вернуть свой дар. Может, это займет дни или даже недели. От Бэннона в этом важном деле нет толка.

Он улыбнулся Амосу и его двум друзьям и принял их предложение.

— Да, хотелось бы.

Глава 12

Смена блюд продолжалась два часа, и под конец на столе оказались разнообразные десерты и маленькие фужеры с крепкими ликерами. Никки подняла взгляд на решетчатый потолок огромного особняка. Ночные мотыльки порхали возле распустившихся цветков лозы, а ясное небо усеивали звезды.

После подачи основного блюда верховный капитан Эйвери взял свою тарелку и встал возле Торы. Ее обычное ледяное выражение лица растаяло, и она смеялась над тем, что он ей нашептывал. Женщина угостила капитана несколькими кусочками со своей тарелки, хотя его тарелка и так была полная.

— Верность и храбрость нашего дорогого капитана безупречны, а его сила... — Она коротко вздохнула. — Эйвери весьма способный, и он чрезвычайно предан городу Ильдакар.

— И предан привлекательной властительнице, — произнес Максим с нотками сарказма. Он относился к очевидному флирту жены с иронией, прикрывая свое раздражение.

— Он, безусловно, более способный, чем ты уже долгие годы, муж мой, — парировала Тора.

— Я все такой же способный, моя дорогая, просто больше не заинтересован, — сказал он, и лицо Торы скривилось от презрения. Максим откинулся на спинку кресла. — По крайней мере, не заинтересован в тебе. Возможно, это изменится — к примеру, через тысячу лет.

— К тому времени ты устанешь от всех женщин в Ильдакаре, — сказала она.

— О, я не могу устать от всех, — возразил Максим. — И я никогда не забуду, что ты моя жена и моя любовь. Просто взгляни на себя. — Он протянул руку к ее совершенному лицу в обрамлении замысловато уложенных локонов и косичек. — Ты поразительно красива. — Он сделал большой глоток кровавого вина и понизил голос. — Но только внешне.

Тора протянула руку и погладила ладонь Эйвери, который стоял очень прямо, смущенный этой беседой. Капитан поправил красный наплечник. Волшебники за столом выпили немало вина и теперь вели громкую и непринужденную беседу. Даже Натан был словоохотлив, хотя и говорил уже невнятно.

Держа кубок в левой руке, Максим поднялся с кресла и встал рядом с колдуньей. В глазах главнокомандующего волшебника был блеск, который не понравился Никки. Она была настороже. Многие мужчины использовали ее, но она никогда и не думала называть это любовью. Госпожа Смерть была лишь игрушкой Джеганя, а до этого пешкой, брошенной солдатам Имперского Ордена.

Максим наклонился к ее плечу:

— Веками живя в изолированном городе, одаренная знать Ильдакара отточила свои умения в искусстве плотских наслаждений. — Он наклонился ближе и хрипло сказал: — Рискну предположить, что большинство наших техник неизвестны во внешнем мире.

— Должно быть, вы этим очень гордитесь, — сказала Никки. — Может, вам следует направить свои умения на удовлетворение жены?

— Удовлетворение Торы — невыполнимая задача, — усмехнулся волшебник. — Спросите у любого отверженного ею партнера. Собственно, поинтересуйтесь у верховного капитана Эйвери. Мне любопытно, как ему это удастся.

Властительница выглядела ледяной.

— Ему удастся, потому что он наделен талантом... и в целом весьма одарен.

Из-за стола послышались вздохи и приглушенный смех. Обмен колкостями позабавил волшебников, но не Никки, хотя ей не за что было обижаться на Максима, который и не соби-рался ее оскорбить.

— Ты не можешь заставить меня ревновать, дорогая жена, потому что я, как и ты, доволен нашим положением. — Макс-им так близко склонился к Никки, что она почувствовала за-пах вина в его дыхании. — Я должен уведомить вас о нашей традиции особых вечеров. Одаренная знать часто присоеди-няется к вечерам удовольствий, большим и малым, и все они ин-тимного характера. Вы заметили, как огромен особняк. У нас полно комнат с кроватями... а также напольными подушками или качающимися гамаками. Возможности не могут быть без-граничными, но сомневаюсь, что за полторы тысячи лет мы успели все изучить. Вы окажете мне большую честь, присо-единившись к нам. Позвольте показать вам истинные вершины экстаза. Уверяю, мы постигли множество искусных техник.

Никки посмотрела на него своими ясными голубыми глаза-ми. Она не отстранилась, не вздрогнула и не выдала ни намек на поощрение.

— Думаю, нет. У меня множество своих приемов, и они не всегда приятны.

— Я знаю, что вы имеете в виду... — Максим хмыкнул. — Есть те, кто получает удовлетворение от получения и причи-нения боли. Это другая форма наслаждения, хотя многие по-прежнему считают ее плотским экстазом.

Никки сидела неподвижно. Взгляды членов палаты волшеб-ников были устремлены на нее.

— Вы неправильно меня поняли. Я не собираюсь участво-вать в ваших вечерах удовольствий. Вообще.

— Но мы ценим это предложение, — поспешно вмешался Натан. — Должен сказать, что с Никки в прошлом плохо об-

ращались, и пережитый опыт исказил для нее то, что другие называют удовольствием. Но если это приглашение для вас так важно, если это традиция, то я могу предложить свою кандидатуру. Я — странствующий посол Д'Хары.

За столом раздалось неловкое бормотание. Эльза выглядела смущенной. Она ободряюще похлопала по ладони старого волшебника:

— Благодарим за вашу готовность, Натан, но есть одна загвоздка. Видите ли, наши вечеринки удовольствий только для одаренной знати. — Ее слова повисли в воздухе.

Квентин, сидевший по другую сторону стола, вмешался в разговор:

— Вы ясно дали нам понять, что потеряли свой дар. Он покинул вас. Мы по-прежнему рады видеть вас в Ильдакаре, но пока ваш дар не будет восстановлен, вы не сможете принимать участие в вечерах удовольствий.

— Помнится, существовала традиция при особых обстоятельствах допускать гостей извне, — поразмыслив, сказала Эльза. — Может, сейчас как раз такой случай, поэтому нам не обязательно отстранять несчастного.

— Подумайте об этом, Натан Рал. А если ваше состояние заразно? — спросила Тора. — Особенно при близком, интимном контакте.

— Уверю вас, это не так, — ответил Натан.

Грубиян Айвен разразился хохотом.

— Сможет ли этот волшебник поднять свой посох?

Натана было не так просто смутить. Он положил руки на стол, поправив отороченные медью рукава зеленой мантии.

— Смейтесь, если хотите. Я надеялся на сочувствие к моему печальному положению, но после такой прекрасной и обильной трапезы меня больше интересует сон, чем разнузданные мероприятия.

Амос и его товарищи, устав от разговоров, поднялись из-за стола.

— Мы возьмем Бэннона Фермера с собой и покажем ему немного веселья. Не беспокойтесь за нас.

Молодой мечник выглядел смущенным, но побоялся отказаться. Тем не менее, Никки была уверена, что он сам о себе позаботится.

— Я согласна с Натаном, сон — прекрасное времяпрепровождение. Завтра нам предстоит многое обсудить.

Она встала, и Натан тоже поднялся. Собрав все свое достоинство, он пошел вместе с колдуньей прочь мимо живой изгороди из цветущего по ночам жасмина, белые цветы которого источали сладкий аромат.

Когда они покинули обеденный зал, Натан погрузил руки в маленькую чашу с водой на стене холла, расплескивая воду.

— Спасибо, колдунья. Чистая мягкая постель сейчас гораздо лучше, чем любой экстаз.

Никки уклончиво что-то буркнула. Хотя ее покои в Твердыне были весьма удобными, она продолжала думать о том, как делила их с бедной Чертополох, которая любила свернуться на овчине, лежавшей прямо на каменном полу.

— С утра повелитель плоти Андре хочет пригласить меня в исследовательский павильон и изучить мое состояние. Мне не терпится получить ответы на свои вопросы.

— Я буду рада, когда твои силы вернуться и ты станешь прежним, — сказала Никки, а затем пожелала ему доброй ночи и, раздвинув фиолетовые занавески на двери, зашла в свою комнату.

Колдунья сняла черное платье и надела удобную ночную сорочку, оставленную слугами. Лежа на кровати, она наслаждалась прохладой простыней и слушала шепот ночного ветерка в ночи. Никки выпустила струйку дара, чтобы погасить лампы. В тусклом полумраке комнаты было очень одиноко без Чертополох. И без Мрра.

Связанная заклинанием песчаная пума умчалась прочь, когда появились Амос и его спутники. Пока они шли по равнине

к Ильдакару, Никки ощущала, что большая кошка следит за ними с безопасного расстояния... Но с тех пор она не видела Мрра.

Никки лежала, позволяя своим мыслям спокойно плыть. Она не скользнула в сон, а последовала за слабыми узами, потянувшись в ночь. Она знала, что Мрра бродит за городскими стенами и охотится в холмах. Никки чувствовала беспокойство в разуме сестры-пумы. Мрра боялась трех парней, а сейчас ненависть кошки к великому городу пересиливала животные инстинкты.

Ильдакар был опасен. Ильдакар был местом боли и плохих воспоминаний.

Никки уже снились некоторые из этих воспоминаний. Она узнала многие загадочные руны, высеченные на зданиях Ильдакара — такие же символы были выжжены на шкуре Мрра.

Проваливаясь в сон, Никки размышляла о такой разнице: песчаная пума в одиночестве бродит по пустоши, а Никки находится в просторной спальне после прекрасного ужина.

И все же Никки боялась, что она в более опасном положении.

Глава 13

Амос и его друзья покидали огромный особняк в приподнятом настроении. Бэннон последовал за ними, радуясь, что после пира у него есть компания.

Джед и Брок непристойно шутили и прыскали от смеха, неторопливо спускаясь с верхнего уровня Ильдакара по наклонным мощеным улочкам. Впереди были тесные нижние улицы с домами состоятельных аристократов.

Молодые люди покинули ухоженный район богачей с цветущими цитрусовыми садами, благоухание которых кружило

Бэннону голову. Он обнаружил, что из-за выпитого кровавого вина с трудом переставляет ноги, хотя происхождение напитка все еще тревожило его.

— Так кто такие шелковые яксены? — спросил он. — Вы так мне и не сказали. — Он старался, чтобы в его голосе звучали интерес и любопытство, но слова выговаривались медленно и неожиданно трудно.

Он рассмешил Джеда и Брока, и их губы растянулись в широких улыбках.

— Скоро узнаешь, — ответил Амос. — В квартале шелковых яксенов много питомников, но я предпочитаю один конкретный.

— У нас там постоянный счет, — добавил Джед.

Амос с прохладцей окинул взглядом Бэннона.

— Я даже заплачу за тебя. На первый раз я угощу нашего гостя издалека. — Он потянулся в карман шаровар за мешочком, достал из него пять золотых монет и небрежно вручил их Бэннону. — Вот, возьми на всякий случай.

— На какой?

— Если захочешь чего-то особенного, — хохотнул Амос.

— Спасибо, — пробормотал Бэннон. — Моя мать учила всегда благодарить. Я благодарен тебе. Спасибо, что показываешь мне город. — Он понял, что говорит невнятно, но его спутники словно не замечали этого.

Его сапоги с жесткими голенищами не давали подвернуть ногу, но шаги получались неуверенными. Голову словно набили ватой.

Давно, когда он был еще мальчишкой, Бэннон со своим другом Яном наблюдали за вошедшим в порт торговым судном с товарами из Серримунди. Отец Бэннона спустился в доки, когда моряки выгружали ящики с чужеземными лекарствами, рулонами тканей, железными плотницкими инструментами и новыми сельскохозяйственными орудиями для сбора урожая капусты. А фермеры продавали квашеную капусту в

запечатанных глиняных горшках и терпкий эль, сваренный из морских водорослей, растущих возле берегов Кирии.

Отец Бэннона встретился с первым помощником капитана, отдал ему монеты и ушел с тремя бутылками бренди из винокурни побережья Ларрикан. Бэннон и Ян проследили за ним до самого дома, где он спрятал две бутылки в поленнице за домом, а затем ушел с оставшейся бутылкой, чтобы напиться в одиночку.

Сторая от любопытства, юные Бэннон и Ян переложили дрова и вытащили одну из коричневых стеклянных бутылок. С этим трофеем они поспешили в небольшую пещеру в скалах и сидели там, подначивая друг друга выпить редкий и недешевый бренди. Когда спиртное обожгло горло, Бэннон закашлялся, еле сдерживаясь, чтобы его не вырвало. Ян сделал глоток побольше, поэтому Бэннон посчитал, что ему нужно превзойти друга. После третьего глотка он понял, что вкус не такой уж и гадкий. Когда они выпили половину бутылки, Бэннон ощущал одновременно тошноту и эйфорию. Кожу покалывало, голова казалась пузырем, и мир вокруг вращался.

Когда бренди ударил в голову, что-то внутри подстегнуло выпить еще, чтобы сохранить ощущение тепла и искаженной удовлетворенности или даже усилить ощущения. Когда они с Яном прикончили бутылку, обоим стало дурно, сознание затуманилось. Неопытные в пьянстве мальчишки обнаружили, что уже почти стемнело. Когда они попытались подняться на берег, то споткнулись и соскользнули вниз.

К тому времени начался прилив, и вода затопила их укрытый пляж. Вымокшие мальчишки были слишком дезориентированы, чтобы взбираться по рыхлым скалам, но после нескольких неудачных попыток им удалось подняться. Чудом они не разбились и не утонули.

Бэннон согнулся пополам и исторг из себя большую часть выпитого. Ян счел это невероятно забавным. Друзья пошли разными путями, и Бэннон, вернувшись домой, застал разгне-

ванного отца. Мальчик пытался притвориться, что он в порядке, но едва мог говорить и с трудом передвигался. Отец накричал на него за хамство, пьянство и разочарование. Он избил Бэннона, и тот потерял сознание — больше из-за бренди, чем от непрекращающихся ударов. На следующий день Бэннон очнулся, страдая от ушибов и синяков. Его череп раскалывался от неутомимой головной боли, которая заглушала все мысли о его распухших глазах и щеках.

Фразы, брошенные его отцом, были просто кучей слов ненависти, но в конце концов он понял, что тот злится не из-за того, что сын пришел пьяным, а из-за кражи дорогого бренди.

Мать Бэннона ухаживала за ним, вытирая лицо влажной тряпкой, и, плача, тихонько пела. Она склонилась к его постели и настойчиво прошептала: «Не стань таким, как он. Он плохой человек. Спиртное виновато не во всем, но совершенно точно выпускает бесов».

Бэннон думал об этом сейчас, пока нетвердой походкой шел за тремя ильдакарскими юношами. Его желудок закрутило. На самом деле он не собирался пить вино, но теперь не мог допустить, чтобы его стошнило при Амосе, Джеде и Броке. Он сжал зубы и занял себя другими мыслями, до тех пор, пока не утихнет тошнота...

Улицы Ильдакара были освещены светящимися белыми шарами на железных столбах. Свет пульсировал от таинственных символов. Район знати был хорошо освещен, словно на бульварах поселились сотни мерцающих в ночи, но кривые улочки нижних уровней походили на лабиринт из низких зданий при свете свечей. Изгороди из темнолистого олеандра перекрывали вид с улицы.

— Расскажи нам об архиве Твердыни, — попросил Амос. — Это какая-то библиотека? Деревня с коллекцией книжек?

— Архив не может быть крупнее библиотек Ильдакара, — сказал Джек.

— О, он крупнее! — возразил Бэннон. — Полагаю, это величайшая коллекция в мире, скрытая три тысячи лет назад, когда начались войны волшебников.

— Что-то не верится, — сказал Амос.

— Пресвятая Мать морей, это правда! Архив спрятан в извилистых каньонах по ту сторону Кол Адаира, к западу отсюда. Он был тысячи лет укрыт маскирующим саваном... таким же, как ваш.

— И как же вы его нашли? — в голосе Брока слышался вызов.

— Маскировки больше нет, и у нас был проводник. — Он подумал о Чертополох. Отважная девочка отдала все, чтобы привести их сюда. — Нам нужно было многое изучить, чтобы найти способ уничтожить Поглотителя жизни.

Трое юношей многозначительно переглянулись, и Бэннон задумался, не сболтнул ли чего лишнего.

Амос с непривычным дружелюбием хлопнул его по спине.

— Бэннон, друг мой, у тебя такие интересные истории. — Он медленно пошел по выложенной плиткой дорожке между темными изгородями к дверному проему, где на табурете сидел мужчина, охраняя вход. — Это наш любимый питомник. Здесь разводят самых прекрасных шелковых яксенов.

Оранжевый свет внутри здания обеспечивал достаточное освещение, но дальние углы тонули в тенях. Мужчина с аккуратно подстриженной бородкой и клочковатыми волосами сидел у двери на удобном деревянном сиденье. Его одежда, хоть и хорошо скроенная, была кремового и коричневого цветов, а не ярких оттенков одаренной знати. Небольшой медный горшок возле его табурета был полон монет. Мужчина одарил парней сдержанной улыбкой, хотя в его глазах читалась подозрительность.

— Добро пожаловать, господин Амос. Всегда рады вам. — Тон его голоса говорил об обратном.

Юноша бросил монеты в помятый медный горшок.

— Это за нашего нового друга, Бэннона Фермера. Возможно, он не знает, как тут себя развлечь.

— Меня можно научить, — сказал Бэннон, все еще чувствуя себя неуверенно. — Я отлично обращаюсь с мечом, потому что Натан научил меня.

— В квартале удовольствий нет необходимости в оружии. — Портье с сомнением взглянул на Крепыша у бедра Бэннона. — Сегодня вы будете пользоваться другим клинком, молодой человек.

— Крепыш останется при мне, чтобы защитить нас, если понадобится, — сказал он, но теперь до него стало доходить. Квартал удовольствий? Судя по приглушенному оранжевому свету, тихому смеху и еле слышному разговору внутри, это мог быть игровой притон. Когда они вошли в здание, Бэннон увидел очаровательных женщин, отдыхающих на кушетках, и понял то, о чем должен был догадаться с самого начала.

— Шелковые ясенсы — это проститутки? — Несколько женщин были заняты благородными клиентами, а другие смиренно ждали у стены. — Питомник... просто... бордель?

— Промежность Владетеля, не обычные проститутки! — сказал Амос. — Шелковые ясенсы — куртизанки, специально выведенные для этой цели.

Все еще чувствуя в голове приятный гул от вина, Бэннон не мог придумать довод или отговорку. Он позволил трем своим друзьям провести его вглубь помещения. В небольших жаровнях курились благовония, добавляя запах гвоздики и меда необычному терпкому дыму, проплывающему по комнате.

Амос повернулся к портье:

— Мелоди свободна?

— Как всегда, она в вашем распоряжении. Нашему новому гостю я могу предложить Кайлу. Она прекрасна и уже готова.

— Да особой разницы и нет, — пробормотал Джед. Он пошел туда, где у стены возле жаровни с благовониями стояли пять необыкновенно красивых девушек, залитых оранжевым

свечением. С отсутствующим выражением на лице они смотрели на какой-то воображаемый объект посреди комнаты.

— Кто из вас Кайла? — спросил Брок.

На него взглянула женщина с длинными вьющимися локонами цвета корицы. Улыбка затрагивала только ее губы.

— Кайла — это я.

Брок дернул ее от стены и подтолкнул к Бэннону. Она беспрекословно двинулась в его сторону. Брок выбрал следующую женщину в очереди, с бледной кожей и волосами того же цвета, что и у Кайлы.

— Мне нравится, как ты сегодня выглядишь. — Он взял ее за руку словно рыбак, тянущий свой улов.

Джед выбрал брюнетку. Он даже не удосужился заговорить с ней, просто взял ее за запястье и потянул к одной из незанятых кушеток.

Кайла стояла перед Бэнноном, ничего не говоря и не встречаясь с ним взглядом. Она выглядела как кукла, но кукла с идеальными женственными формами. Она медленно моргала и не улыбалась, напоминая овцу, безмятежно щиплющую траву на пастбище, не осознающую никакой угрозы и не проявляющую никакого интереса.

Щеки Бэннона горели, и он был рад, что в тусклом свете никто не заметит его смущения. Он вежливо протянул руку Кайле.

— Меня зовут Бэннон. Рад с тобой познакомиться.

— Спасибо. — Она взяла протянутую руку. — Я тоже очень рада.

Он понизил голос до хриплого шепота:

— Что нам теперь полагается делать?

— Все, что ты захочешь, — сказала она обычным голосом, не заботясь, что другие ее услышат.

Он услышал смешок с одной из кушеток, где рослый дворянин средних лет лапал совсем молоденькую девушку. Стащив ее полупрозрачное одеяние, он выставил ее грудь на всеобщее

обозрение. Бэннон с трудом сглотнул и прошептал: «Пресвятая Мать морей!».

Кайла действительно была прекрасна, а тонкое платье демонстрировало ее роскошную фигуру. Затянутый поясок подчеркивал ее узкую талию и изгибы бедер. Боковой разрез на платье выставлял напоказ икру и бедро.

— Я... Я думаю, мы должны присесть, — сказал Бэннон, споткнувшись о скамью. Кайла послушно последовала за ним.

— Где Мелоди? — рывкнул Амос, оглядывая освещенную свечами комнату. Его громкий выкрик потревожил других мужчин, которые сидели с выбранными ими шелковыми яксенами.

Огненно-оранжевые занавески в нише сместились в сторону, и в комнату вошла миниатюрная светловолосая женщина. У нее были большие круглые глаза, казавшиеся темными в тусклом свете. Она неторопливо зашагала к Амосу, который не сделал ни шага ей навстречу и просто ждал.

— Я здесь, господин Амос, и я к вашим услугам, — сказала она.

— Кто бы сомневался. — С похотливой улыбкой он взял Мелоди за руку и потащил к Бэннону и Кайле. — Эти шелковые яксены красивы и совершенны, одни из великолепнейших творений Ильдакара.

— Да, они все красивы, — согласился Бэннон.

Кайла сидела так близко, что ее нога прижималась к его бедру. Она скользнула рукой вокруг его талии и приникла к его груди, но, похоже, сделала это скорее для удобства, чем для романтики.

— Повелители плоти создавали чудовищное оружие во время древних войн, но, как по мне, шелковые яксены — самое прекрасное их творение. — Амос крикнул: — Кто-нибудь, принесите нам еще кровавого вина! У меня здесь гость, и мы должны произвести на него впечатление.

— Все в порядке, — сказал Бэннон, — правда, я...

Не успел он договорить, как менее привлекательная служанка в серой одежде торопливо принесла графин и налила в кубки красное вино — один для Амоса и один для Бэннона. Женщинам она вина не предложила.

— Шелковые яксены — превосходные куртизанки, с безупречной кожей... такой теплой и шелковистой. — Амос кивнул ему: — Давай же, потрогай и убедись сам. — Он схватил руку Бэннона и положил на плечо Кайлы. Кожа девушки была теплой и необычайно гладкой. Она даже не вздрогнула. — Но не жди от нее разговоров. Они просто тупые животные, выращенные для питомников, в которых работают. Обычные яксены были созданы для перевозки грузов, а эти женщины несут другое бремя и не возражают. Так ведь, Мелоди? — Он посмотрел на нее, и та покорно кивнула. — А ты, Кайла? — Девушка с волосами цвета корицы тоже кивнула.

Бэннон чувствовал себя неуютно.

— Ты имеешь в виду, что они как ... домашний скот в женских телах?

— Повелители плоти вывели их для определенной цели, которой они и служат, — пояснил Амос. — Но не ожидай от них чего-то большего. На самом деле имя «Мелоди» означает, что она воспринимает музыку или способна петь. — Он холодно рассмеялся. — Однажды я попросил ее спеть для меня романс — хотел вообразить себя ее возлюбленным. — Он фыркнул. — Но звучало как вопли кошки, попавшей в клетку повелителя плоти. Я прав?

— Да, господин Амос, — согласилась Мелоди.

— Покажи ему, — сказал он насмешливо. — Спой Бэннону.

Не колеблясь ни секунды, Мелоди запела. Голос был неровным и неуверенным, и она не попала в несколько нот песни на незнакомом Бэннону языке. Прежде чем она допела первый такт, Амос дал ей пощечину, заставив замолчать. Мелоди съехала.

— Плевать, что я сказал, больше никогда не пой, — сказал он и ударил ее снова, сбив со скамьи.

— Стой! — вскочил Бэннон. — Нельзя так делать!

Амос удивленно моргнул:

— Почему? Это же шелковые яксыны, для этого они и нужны. Считаешь, что совокупление — это единственное удовольствие, которое они могут дать? Ты скоро это узнаешь. — Он залпом выпил свое вино, затем потащил через комнату спотыкающуюся и безропотную Мелоди, откидывая в сторону занавески. Ведя ее в незанятую отдельную комнату в задней части борделя, он побеспокоил другие обнимающиеся в полумраке пары.

Бэннон сжал кулаки и с трудом сглотнул. Помутнение от вина как рукой сняло. Отец называл его мать шлюхой, обвиняя в том, чего она никогда не делала, и под этим предлогом избивал ее до потери сознания. Когда Бэннон был слишком маленьким, он не понимал, кто такая шлюха; только после своего побега на парусном судне, проводя время с бывальыми моряками, он узнал о проститутках.

Первый любовный опыт Бэннона случился в Твердыне с тремя молодыми послушницами: Одри, Лорел и Сейдж. Красивые и добрые девушки многому его научили, доставляя наслаждение ему и себе, разделяя юношу между собой.

От тех воспоминаний у него кружилась голова, но они треснули и разбились от того, кем стали эти три девушки — монстрами Госпожи Жизнь...

Из дальней комнаты, куда Амос затащил Мелоди, доносились звуки пощечин и всхлипывания. Джек и Брок отвели своих женщин в отгороженные ниши, а рослый дворянин, ничуть не смущаясь, срывал одежду со своей девушки прямо на кушетке посреди комнаты. Другие клиенты прервались, чтобы посмотреть на это зрелище.

Кайла села рядом с Бэнноном.

— Тебе нравится так же? — Ее теплое дыхание касалось его щеки, а густые волосы цвета корицы поблескивали в оранжевом свете. Она казалась покорной и желающей угодить, равнодушной к тому, что он может с ней сделать.

Его желудок сжался от мысли, что другие уже причиняли ей боль.

— Нет... я так не думаю. — Он поднялся, оставив свое вино нетронутым. От хмеля не осталось и следа. — Я... Я думаю, что просто отыщу дорогу назад и хорошенько выплюсь.

Кайла не стала его отговаривать и никак не отреагировала. Она просто устроилась поудобнее и чинно сидела на скамейке, ожидая, когда ее заметит кто-нибудь другой.

Слезы жгли Бэннону глаза, когда он спешил к выходу из питомника, ожидая, что вслед ему полетят насмешливые издевки, но никто не обратил на него внимания. Портье взглянул на него и неожиданно слегка кивнул с намеком на уважение. Бэннон не знал, как на это реагировать.

Мужчина потянулся к горшку рядом с табуретом и вытащил несколько монет.

— Вот, молодой человек. Возьмите ваши деньги.

— Но это не мои деньги. Амос заплатил за меня.

— Тогда забери их. Ты не воспользовался тем, что он оплатил. — Бэннон увидел его настойчивость и взял монеты, решив, что может вернуть их позже.

Он бродил по извилистым улочкам и после нескольких неудачных попыток вышел к главной городской улице, от которой ответвлялись переулки, ведущие к домам среднего сословия, лавкам торговцев и купцов. Он тяжело дышал.

— Пресвятая Мать морей, — снова пробормотал он, разувренный в этом легендарном городе. Он знал, что Натан должен был прийти сюда, что город жизненно важен для возвращения его дара, но Бэннон надеялся, что скоро они уйдут. Он уже видел верхние уровни города и если просто продолжит подниматься по крутым улицам, то найдет башню властителей и

роскошный особняк с его покоем. О произошедшем никому не хотелось рассказывать.

Завернув за угол, он увидел темную фигуру в коричневом одеянии, которая пряталась в тени боковой улицы. Чужак сунул руку в мешок и вытащил яркий серебристый предмет, вспыхнувший, когда в нем отразился случайный отблеск света одного из сияющих фонарей. Незнакомец сунул зазубренный предмет в трещину стены.

Бэннон коснулся рукояти меча.

— Эй, ты! Что ты там делаешь?

Фигура в капюшоне убежала, растворившись в тенях. Бэннон подошел к месту, где была фигура, и увидел осколки зеркала. Небольшой обломок был засунут в щель между кирпичами. Он вспомнил, что говорил Верховный капитан Эйвери о мятежниках и их лидере Зерцалоликом, и к его горлу снова подступил ком. Он поспешил вернуться на хорошо освещенные улицы, стремясь добраться до своих покоев, но не был уверен, что хоть где-нибудь в Ильдакаре безопасно.

Глава 14

Утром Никки проснулась от ощущения чьего-то присутствия. Открыв глаза, она увидела главнокомандующего волшебника Максима, который навис над кроватью с тонкой ухмылкой на губах.

— Я пришел поприветствовать вас, колдунья, — сказал он, глядя на завернутую в тонкие простыни Никки. — Надеюсь, ночь была спокойной и приятной... хотя и не такой приятной, какой могла быть в менее спокойной постели.

Едва сдерживаясь, Никки чувствовала вспыхнувший в ней дар, готовый атаковать. С большим усилием она подавила свой порыв. Максим по праву звался великим волшебником.

— Вам повезло: я проснулась достаточно быстро, чтобы осознать, где нахожусь. Иначе я убила бы вас, даже не поняв, кто вы.

Главнокомандующий волшебник приподнял брови:

— Всегда хорошо знать, кого убиваешь, ведь это лучший способ убедиться, что убил кого нужно. — Он погладил свою бородку.

На колдунье была открытая тонкая сорочка, которая нашлась среди оставленной слугами одежды. Никки села, не потрудившись прикрыться и не выказывая смущения. Она не стеснялась своего тела.

— Что вы делаете в моей комнате?

— Вообще-то, это моя комната. Это мой дом, а вы моя гостья.

— Гости заслуживают определенного уважения.

— Я пришел вас разбудить. В знак уважения, — снисходительно сказал он. — Тора предположила, что вы с Натаном захотите посетить центральную пирамиду, которая поможет вам понять Ильдакар.

Никки вспомнила ступенчатую пирамиду.

— Мы видели ее по пути к башне властителей. Это какой-то храм?

— Храм? — рассмеялся Максим. — Мы сами обладаем великими силами, так зачем нам поклоняться в храме? Мы признаем Создателя и Владетеля за завесой смерти, но у нас нет нужды полагаться на вмешательство высших сил. Мы доказали, что сами являемся внушительной силой, когда на нас пошла армия генерала Утроса.

Она продолжала сидеть с шелковыми простынями на коленях.

— Уходите. Я оденусь и присоединюсь. Натану уже сообщили?

— Властительница лично пошла его будить. Надеюсь, ей понравилось так же, как и мне. — Он игриво улыбнулся и вышел из комнаты, оставив обеспокоенную Никки.

Она легко могла вызвать огонь и сжечь его по пути к двери, но Максим был главнокомандующим волшебником. Она не забывала, что Натан нуждается в помощи волшебников Ильдара.

Умывшись и облачившись в свое черное платье и черные ботинки, Никки расчесала золотистые волосы, а потом принялась за завтрак из фруктов, пирожных и сыра, который принесли в покои, пока она спала. Отсутствие уединения и уязвимость внушали тревогу. Она решила, что с этого момента будет спать с двумя кинжалами под рукой.

Найдя в главном холле Натана, она заметила, что он расчесал свои длинные белые волосы и снова надел отороченный медью зеленый балахон волшебника. Было видно, что он нравится себе в таком облачении — в нем он определенно был больше похож на волшебника, чем в черных брюках, ботинках и рубашке с рюшами.

Главнокомандующий волшебник с энтузиазмом повернулся к стоявшей рядом Торе:

— Я же говорил, Никки придет. — Он понизил голос до театрального шепота. — Казалось, она просто жаждет увидеть пирамиду.

— Колдунья жаждет? — переспросил Натан. — Уверен, вы неправильно истолковали ее настроение.

— Верно, — сказала Никки. — И это не единственная вещь, которую он истолковал неправильно.

Натан заговорил тоном осторожного дипломата:

— Нам нужно многое узнать о культурах друг друга. Я так понимаю, пирамида — сердце силы вашего города? Она питает саван вечности? Я бы хотел внести ясность. — Казалось, он уже обдумывает, как описать сооружение в книге жизни, которую носил с собой.

— Пирамида — точка пересечения линий изошренных за-
клиний, пронизывающих улицы и здания Илдакара, — объ-
яснила Тора.

Выйдя из огромного особняка, они пошли по тропинке под
навесом, в котором гудели пчелы, опылявшие розовые цветы.
Саван упал, открыв Илдакар внешнему миру и чистому голу-
бому небу. С вершины плато город казался первозданным,
мирным и нетронутым.

Впереди возвышалась внушительная постройка из темно-
серых каменных блоков. Она состояла из квадратного основа-
ния и семи меньших по размеру площадок, которые, подобно
гигантским ступеням, вели к вершине. Через центр широких
уровней проходила сравнительно узкая лестница, предназна-
ченная для людей.

Максим, пребывавший в радостном настроении, вел их к
ступеням.

— Это место, из которого исходит вся наша магия. Здесь
мы снова запустим саван.

— Может, именно туда мне нужно пойти, чтобы вернуть
свой дар, — предположил Натан.

— Сначала мы должны выяснить, что с вами не так, — ска-
зал Максим. — Уверен, Андре справится с этим.

— Пирамида используется для ритуала кровопролития, воз-
двигающего саван, — сказала Тора. — Необходимая для этого
сила должна оставаться нетронутой.

Никки не понравилось слово «кровопролитие».

— Это было лишь предположение, — тут же сказал Натан.
— Я всегда просчитываю все варианты.

На полпути ко второй площадке Максим обернулся и свер-
ху вниз посмотрел на Натана:

— Все? Даже тот, в котором не удастся вернуть дар? А если
придется остаться обычным бессильным человеком до конца
жизни?

— В таком случае, — сказала Тора, — у него нет причин оставаться в Ильдакаре.

— Мы и не собирались, — сказала Никки, поднимаясь по каменным ступеням.

— Чуть позже я отправлюсь к повелителю плоти Андре, — сказал Натан. — Поскольку я тоже ученый, мы можем объединить усилия и понять, что делать. Ведьма предсказала, что я должен оказаться здесь.

— Очень любопытно, — насмешливо сказала Тора. — А еще ваша недалекая ведьмочка предсказала, что колдунья спасет мир. Как по мне, она пыталась потешить самолюбие Никки, а не дать полезный совет. Уверены, что именно об этой колдунье говорит предсказание?

Никки не отреагировала на колкость, но Натан упал духом.

Верхняя платформа была заставлена сверкающими зеркальными устройствами. Максим и Тора стояли среди них, как король и королева из стратегической игры, в которую часто играли сестры Света во Дворце Пророков. Каменный пол был прорезан облицованными серебром каналами. Эти борозды складывались в сложные рисунки заклинаний с множеством углов и петель. Внимание Натана привлекло отдельно стоящее отполированное устройство, состоящее из металлических дуг и пустых чаш, которые сияли, как огромные плавильные котлы, в которых плавится солнце. Высокие металлические столбы по четырем углам устремлялись к небу подобно громоотводам; на вершине каждого столба была установлена кварцевая призма. В центре устройства были две поворотные линзы в металлических оправах.

Никки шагнула в переплетение рисунков заклинаний. Она не видела узора целиком, но с легкостью поняла его предназначение.

— Волшебники используют эту пирамиду как фокальную точку, когда творят мощное заклинание? Так они собирают энергию, необходимую для восстановления защитного савана?

— Обычно да, — сказал Максим. — Но со временем для кровопролития нужно все больше и больше усилий. — Он вздохнул. — Мы еще не определили точную величину.

— Но мы должны ее определить, — прервала его Тора. — В последние десять лет саван исчезал слишком часто, оставляя нас без защиты от внешних угроз.

Прикрыв глаза от солнца, Натан вглядывался за пределы огромного города, повернувшись сначала к отвесному берегу Вороньей реки, а потом к равнине. Он указал на ряды каменных солдат, разбросанные по простору лугов.

— Но вы же давно наложили заклятие. Вы превратили в камень армию генерала Утроса, и они больше не представляют угрозы. Зачем поддерживать саван, если для этого требуется столько энергии?

«И столько крови», — подумала Никки.

Тора помрачнела.

— Саван создавался не только для защиты от кровожадных армий императора Кергана, но и для сохранения нашего общества, которое нужно уберечь от внешней порчи. Теперь саван исчезает, и меня очень беспокоит наше будущее. — Она скринулась. — Эта незащищенность разрушает то, что мы создали.

Главнокомандующий волшебник не разделял ее мнения.

— С другой стороны, дорогая, открытие Ильдакара внешнему миру дало приток ресурсов и оживило наше общество. Подумай, сколько свежей крови привезли нам работоторговцы.

— А сколько рабов сумело удрать в пустошь? — спросила она.

Посмеявшись над уязвленным выражением лица жены, Максим повернулся к Никки и Натану:

— Как видите, мы много спорили об этом.

— За полторы тысячи лет внешний мир сильно изменился, — сказала Никки, думая о Ричарде и Д'Харе. — Лорд Рал положил конец притеснениям, сверг тиранов, победил Имперский Орден. Рабство должно остаться в прошлом.

Тора выглядела раздосадованной.

— И он провозгласил это со своего настолько далекого трона, что никто о нем и не слышал. Вы наивны.

— Я верна своим убеждениям, — ответила Никки. — И они правильные. Я видела яд тирании и не намерена ее терпеть. Даже Ильдакар может измениться к лучшему. Мы поможем.

Натан занервничал от напряжения в голосе колдуньи, но та не собиралась отступить.

— Вы пришли сюда, намереваясь изменить основы общества? — Тора сузила глаза цвета морской волны. — В одиночку? Ильдакар прекрасно существовал тысячи лет без вашей помощи... и без вашего вмешательства.

— Прекрасно? Спорное утверждение, — сказал Максим. — За эти годы ты утратила не только любовь ко мне, но и объективность. Ильдакар изменился. Беспокойство народа растет, и Зерцалоликий пользуется этим. Возможно, небольшое изменение привычного положения вещей сможет вернуть спокойствие. Разве это не лучше, чем ждать взрыва?

— Я не жду, — с надменной усмешкой сказала Тора. — У нас не будет причин для беспокойства, как только мы уничтожим Зерцалоликого и покончим с проблемами, которые он создал.

Глава 15

Легкие облака мчались по послеполуденному небу, когда Натан подошел к жилищу повелителя плоти. Он немного нервничал, его снедало любопытство и нетерпение. Он рассчитывал на способности этого одаренного человека и надеялся найти простое и понятное решение своей проблемы. Указания Рэд привели его сюда.

Отыскать особняк Андре было несложно: он стоял не на вершине плато, как дома большинства членов палаты волшебников, а немного ниже, неподалеку от впечатляющей открытой арены и обнажения песчаника. Большой и добротный особняк повелителя плоти был высотой в три этажа и состоял из нескольких соединенных крыльев, занимавших немалую площадь. Стены были выложены из белого камня с каменоломни. На высокие колонны с каннелюрами опирались галереи и арки, которые образовывали внутренний дворик под открытым небом.

Натан шел по дорожке, и под его сапогами хрустели мелкие камешки со сверкающими прожилками кварца. Экзотический сад завладел его вниманием — словно охотничья собака, не желающая отпускать пойманную птицу. Пышные живые изгороди имели жутковатый нереалистичный оттенок, переплетенные ветви изгибались в обратную сторону, будто их медленно пытали, ломали, а затем заставляли неправильно срастаться. Яркие оранжевые цветы походили на гибискус, но со странным горьковатым ароматом. В саду росли низкие уродливые деревья, стволы которые изгибались под невероятными углами, напоминая гусиную шею, сломанную в двух местах. И все же, эти исковерканные фруктовые деревья утопали в розовых цветках.

Оказавшись в особенной части сада, Натан остановился перед цветами высотой ему по плечо; соцветия размером с человеческую голову держались на толстых стеблях. Растения походили на подсолнухи с алыми лепестками. Подавшись вперед, Натан разглядел, что поблескивающие семена в центре шевелятся, словно глаза насекомых.

Натан счел растения сада пугающими, но очаровательными. Хотя они и выглядели необычно, в них не было угрозы — если не заикливаться на изначальных формах, задуманных Создателем. Натан воздал должное Андре, у которого явно было оригинальное воображение.

Пророк изучил множество малопонятных магических томов в Твердыне в поисках способа вернуть свой дар, но никаких зацепок не нашел. С каждым днем, когда ему приходилось обходиться без привычных умений вроде разжигания костра с помощью магии или призыва небольшого огонька, Натану было все тяжелее. Он пытался скрыть, как сильно зависит от магии, потому что считал себя вполне дееспособным и без дара. Например, необходимость заставила его улучшить свое мастерство в обращении с мечом.

Но он чувствовал себя опустошенным. В нем чего-то не хватало, он был уже не тем человеком. Когда перемещение звезд распустило его пророческий дар, Натан потерял не только его, но и гораздо больше. Всякий раз, когда он ощущал крошечную вспышку вернувшейся магии, результат его действий был либо гротескно преувеличенный, либо противоположный намерениям. Он больше не смел прибегать к своей магии, и в то же время боялся остаться беспомощным. Ему необходимо вернуть дар, и он был готов поспорить, что кто-нибудь в Ильдакаре — Андре, как он надеялся, — поможет ему. Натан был готов на все ради своей цели.

— Вижу, мой сад произвел впечатление, ммм? — спросил Андре, который вышел из своего особняка и встал под входной аркой, увитой змеиными лозами. Он небрежно прислонился к одной из колонн.

Натан не показал, что захвачен врасплох внезапным появлением повелителя плоти, и признательно ему улыбнулся.

— Растения очень необычны. Где вы нашли такие странные экземпляры?

— Нашел? — рассмеялся Андре. — Ну что вы, я их создал. Большинство из них просто полет фантазии, но на некоторых я отработывал свои новые идеи. — Повелитель плоти поджал губы. — Я получаю уникальные знания, разрывая на части живые существа, изучая их устройство, а затем снова собирая их.

Натан прошагал мимо высоких красных глазастых цветов.

— Надеюсь, ваши особые познания окажутся полезными для меня.

Собеседник дернул себя за заплетенную бороду.

— Ваш случай и правда интересен, бывший волшебник. Я обещаю, что подробно изучу ваше состояние и проведу необходимые эксперименты, чтобы найти ответ. Может приступим, ммм?

Натан последовал за мужчиной в похожий на пещеру холл с высокими колоннами. Он был рад отзывчивости повелителя плоти, хотя Андре скорее стремился удовлетворить свое любопытство, чем помочь волшебнику. Андре повел его в первое крыло, в котором было темно, несмотря на ясный полдень. Решетчатые потолки, затянутые тканью цвета индиго, создавали атмосферу ночи. В нишах и по углам стояли горшки, источавшие магический свет.

В большой, но давящей комнате стояли три длинных пустых стола — достаточно больших, чтобы на каждом поместился человек во весь рост. Натан слышал, как пузырится какая-то жидкость и тихо шипит дымок, сбегаящий из неплотно закрытых сосудов. Тяжелый влажный воздух был пропитан запахами едких порошков и стухшей еды.

Полки вдоль стен были заставлены бутылочками из цветного стекла и непрозрачными банками с порошками. В аквариумах с мутной жидкостью плавали странные бесформенные предметы. Рядом стоял еще один аквариум с относительно чистой водой, в которой плавала рыбоподобная тварь — ее длинные зазубренные плавники походили на перья тропической птицы. С осторожным любопытством Натан подошел к емкости, в которой среди завихрений мутной жидкости угадывались очертания отсеченной руки.

— Живые тела подобны глине, — с гордостью сказал Андре. — Кость, мышцы, плоть и даже волосы изменчивы в руках опытного повелителя плоти. Я скульптор. Я гончар. Я

смотрю на живых существ как на сырье, из которого могу сделать, что нужно... или что захочу.

Натан окинул взглядом три пустых стола, многочисленные никак не помеченные бутылочки на полках, причудливые острые инструменты в чашах и на тарелках, и его воображение само дорисовало картину того, чем на самом деле занимается здесь Андре.

— Здесь вы проводите свои опыты?

— Здесь я работаю. — Повелитель плоти похлопал Натана по плечу и позволил своим пальцам задержаться на руке высокого волшебника, проведя ими по зеленому шелку рукава. — И здесь я буду изучать тебя. Жилые помещения находятся в глубине здания, но я в основном провожу время в этом крыле: в кабинетах для расчленения и повторной сборки, возле демонстрационных столов и, конечно, в галерее излечения.

Помещение с тремя составленными в ряд столами, ожидавшими пациентов или подопытных, напоминало Натану пустующий полевой госпиталь, совмещенный со скотобойней. Он подавил беспокойство, сосредоточившись на своей цели.

— Приступим к делу — мне нужно найти ответы. Спасибо, что пригласил в свою лабораторию.

— Хмм, лаборатория? — усмехнулся Андре. — Я предпочитаю называть это студией. Повеление плотью — искусство, и я создал множество шедевров. Я внимательно изучаю свои образцы. Я считаю их сырьем, пустыми холстами, и придумываю, как их улучшить.

Натан вздрогнул, когда в аквариуме плеснулась странная рыба, и прочистил горло. Он слишком нуждался в помощи Андре.

— Мне станет значительно лучше, если мы вернем мой дар. Тогда я докажу, что не уступаю по силе волшебникам Ильдара.

— О, на это стоит посмотреть. Но сначала я должен тщательно осмотреть тебя, ммм? — Андре повернулся к нему,

рассеянно поглаживая свою заплетенную бороду. Его серые глаза стали бесстрастными, словно повелитель плоти видел перед собой не волшебника, а нечто другое. Он потянул шелковые складки балахона Натана. — Раздевайся, что бы я мог взглянуть.

Натан почувствовал себя неловко.

— Хочешь, чтобы я стоял здесь голым, а ты трогал меня и щупал?

— Ну да.

Прошлым вечером аристократы Ильдакара говорили о бурных, многолюдных вечерах удовольствий, где, несомненно, было столько обнаженных тел, что этого зрелища хватило бы на всю жизнь.

— Тебе же нужна моя помощь? — Андре поднял брови.

Удивившись своей скромности, Натан все же отбросил смущение. Он был высоким, статным и хорошо сложенным, ему нечего стыдиться. Андре потянул за пояс, которым был прихвачен позаимствованный балахон волшебника. Натан передернул плечами, позволив зеленому одеянию соскользнуть с его плеч на пол, и перешагнул через ткань. Хотя в помещении было жарко и душно, пророк ощутил, как по его бокам забежали мурашки.

— Исподнее тоже? — спросил он, уже зная ответ.

Андре фыркнул.

— Те же хочешь вернуть магию во все тело, не так ли?

Натан со вздохом подчинился. Он нагой стоял перед естественно нетерпеливым повелителем плоти.

Андре обошел вокруг, изучая подтянутую фигуру старого волшебника. Он что-то мычал себе под нос, иногда вопрошительно, иногда одобрительно. Натан хорошо сохранился, проведя тысячу лет во Дворце Пророков, а когда покинул дворец, стал делать упражнения, поддерживая и развивая свою физическую форму. Женщины никогда в нем не разочаровывались.

Но Андре выказал нездоровый исследовательский интерес к его телу. Стоя позади Натана, повелитель плоти провел ладонью по спине своего пациента сначала от лопатки к лопатке, а затем по выступающим позвонкам. От слишком длительного прикосновения на его щеках вспыхнул румянец, но он заставил себя стоять неподвижно.

Андре обошел вокруг Натана и встал перед ним, хмыкая себе под нос. Он дотронулся пальцем до лба Натана и провел им сначала по одной щеке, потому по другой, повторяя овал лица.

— Я ощущаю в тебе линии хань, которые похожи на шрамы. Но они исчезают... как шрамы со временем.

— Я не хочу, чтобы мой дар исчез, — сказал Натан.

— Это мы и пытаемся исправить, ммм? Возможно, нам придется поискать дар в другом месте и привить его тебе, снова собрать тебя, начиная из самой сути... Похожим образом я собрал особей для боевой арены, и весьма успешно. — Он так широко ухмыльнулся, что Натан разглядел все его не очень ровные зубы. — Главный укротитель Айвен говорит, что мои творения делают наши представления на арене самыми захватывающими в истории Ильдакара. Я помогаю создавать новых боевых тварей именно для этой цели.

— Боевых тварей? — Натан подумал об ужасном монстре, с которым они столкнулись в дубовой роще. — Кажется, мы встретились с одним из твоих чудищ. Он был похож на медведя.

Андре кивнул.

— Хмм, несколько наших боевых медведей вырвались на свободу. Их очень трудно убить, они гораздо опаснее обычного медведя.

— Мы его убили, — сказал Натан, — но это было непросто.

— Ах, как печально. Я так упорно над ними трудился. — Повелитель плоти пожал костлявыми плечами. Он наклонился и прикоснулся к груди Натана, а затем проследил какую-то невидимую линию, ведущую к животу. — Но мои творения со-

зданы для того, чтобы сражаться, убивать... и умирать. Полагаю, медведь послужил своей цели. — Сильно надавливая, он провел от живота Натана до его левого бедра. Старик вздрогнул и напрягся.

Внезапно с внутреннего двора за арочным холлом послышались грубые мужские голоса:

— Повелитель плоти! У нас для вас новый материал. Воины Адессы чуть не поубивали друг друга в учебном поединке. Мы решили, что вы можете их спасти... или использовать в своих целях.

Андре отвлекся от обнаженного тела Натана.

— Одевайся — я увидел все, что нужно. Пойдем посмотрим, что за диковинку нам привезли. — Повелитель плоти устремился прочь, оставив Натана торопливо надевать зеленый балахон и восстанавливать самообладание.

Покинув лабораторию с синим потолком, они устремились на яркий солнечный свет. В конце посыпанной щебнем дорожки стояла деревянная телега с запряженным в нее понурым яксом. Через борт свешивалась окровавленная человеческая рука. Андре нетерпеливо заглянул в телегу, и догнавший его Натан тоже посмотрел на тела двух мускулистых мужчин, одетых только в набедренные повязки; их кожу покрывала паутина старых шрамов, а также свежие открытые раны, из которых сочилась кровь. Оба были смертельно ранены и едва цеплялись за жизнь. Один мужчина был побрит налысо. На его черепе был бледный участок неровной кожи — след от давно зажившей раны. Кровь вытекала из его шеи, в которую почти до самого позвоночника был воткнут клинок.

— Ему почти отрубили голову, — сказал один из мужчин возле телеги. — Затупленным мечом! Предполагалось, что этот бой будет тренировочным.

У второго рабочего были иссиня-черные бакенбарды, которые топорщились как проволока. Он вдруг взволнованно усмехнулся.

— Адесса приказывает им сражаться так, будто на кону стоит их жизнь... иногда я думаю, что эти воины хотят умереть.

— Они живут только для того, чтобы сражаться и умирать, — пренебрежительно сказал Андре. — Посмотрим, что мы можем сделать из этих двоих.

Натану было не по себе от стонов и тяжелого дыхания умирающих. Они оба истекали кровью от глубоких ран на груди и боках, нанесенных мечом; они почти изрубили друг друга на куски. Нога лысого воина была искалечена, а правая рука отрублена по самый локоть.

— Отнесите их в студию, и побыстрее. — Дрожащий голос Андре был полон воодушевления. Он улыбнулся Натану. — Прошу прощения, но сегодня я буду занят с этими двумя. — Он поспешил к двоим рабочим, которые вытащили умирающих от ран воинов из телеги и понесли в особняк через ухоженный сад Андре. Повелитель плоти провел их в главное помещение с темно-синей тканью на потолке.

— Кладите их на два соседних свободных стола, ммм? Я хочу, чтобы эти образчики были рядом друг с другом.

Рабочие последовали указаниям, не мешкая и не проявляя отвращения. Как только они взвалили пострадавших на столы, Андре погнал их прочь.

— Передайте Адессе мою благодарность и сообщите главному дрессировщику Айвену, что у меня может быть кое-что интересное для представления.

Двое перемазанных в крови рабочих были так рады убраться, что даже не стали дожидаться оплаты.

Натан тоже хотел уйти, но чувствовал, что обязан остаться, хотя и не знал, чем может помочь. Он стоял в стороне, чтобы не мешать и не испачкаться в чужой крови, но все же до него доносились их мучительные стоны.

Андре обошел столы, собирая инструменты, специальные сосуды, порошки, колбы с яркими жидкостями и пакетики с

сушеными травами. Натан заметил, что по периметру каждого стола выгравированы еле заметные загадочные рисунки заклинаний. Лабиринты линий были предназначены для поддержания жизненной силы пациента, пока повелитель плоти выполняет свою работу.

Андре посмотрел на Натана, как на коллегу.

— Это два довольно известных воина из боевых ям. Они тренировались долгие годы и очень сильны. Отличные экземпляры.

— Кажется, они умирают, — сказал Натан. — Я видел столько умирающих, что уже всех и не помню.

— Может, они и умирают, но мы можем их использовать. — Андре был не на шутку взволнован. — Времени не так много. Этот почти мертв. — Он указал на глубокую рану на шее, из которой с бульканьем вытекала кровь. — Рука отрублена, нога повреждена... уцелевшая часть его тела бесполезна. Но голова, кажется, цела. Второго можно исцелить... но, вероятно, ему пойдет на пользу хань первого. Двое вместе. Они выживут и станут бóльшим, чем совокупность их частей. — Он чуть не пританцовывал от ликования. — Я никогда такого не делал. Пересадка головы одного человека на плечи другого. Интересно, какой мозг будет главенствующим? Ммм?

Натан был в ужасе.

— Ты действительно хочешь пересадить голову второго на плечи первого?

— Почему нет? Повеление плотью вполне на это способно. Мне придется разделить и передвинуть позвонки, чтобы создать опору для их шей. — Он заговорил быстрее, словно главный повар, планирующий грандиозный пир. — Я вытяну нервные окончания и присоединю к мозгу второй головы. Подключить кровеносные сосуды и срастить плоть будет так же просто, как для скульптора лепить из глины.

— Добрые духи, — пробормотал Натан, — не знаю, что и сказать. Зачем тебе это делать?

Андре моргнул, словно услышал глупый вопрос.

— Потому что могу. Потому что это интересно.

Натан уже не был так уверен, что этот человек сможет решить его проблему. Он сомневался, хочет ли, чтобы повелитель плоти переделал его плоть, разум и хань.

Андре казался нетерпеливым.

— Без своего дара ты не сможешь ассистировать мне в операции, Натан. На самом деле твоя утрата магии может ослабить и мои способности. Я бы предпочел, чтобы ты покинул студию. Позволь мне поразмыслить, как вернуть твой дар, но я уже увидел достаточно, чтобы принять решение. Я знаю, что с тобой не так.

Натан уже собрался уходить, но последняя фраза заставила его остановиться.

— Ты знаешь, почему я утратил свою магию?

— Дар неотъемлем от тебя, но ты потерял сердце волшебника. Тебе нужно вернуть его обратно. Искра в тебе изменилась с перемещением звезд, но это можно исправить.

— Как? — спросил Натан.

Два умирающих воина стонали и кашляли на столах, истекая кровью в очерченные заклинаниями чаши. Тот, у которого была тяжелая рана на шее, зловеще затих.

— Твое сердце нужно заменить сердцем могущественного одаренного, и тогда твой хань станет цельным. Ты снова станешь великим волшебником, которым всегда хотел быть. — Повелитель плоти склонился над двумя окровавленными телами, больше не интересуясь Натаном. — Но сегодня я ничего не могу для тебя сделать. Позволь мне заняться работой, пока еще есть время, а эти две несчастные души не превратились в бесполезные куски плоти.

Натан, преисполненный досадой и отвращением, поспешил прочь из обители Андре.

Глава 16

Аббатиса сестер Света, прибыв в Танимуру, увидела, что город сильно изменился, но не столь глобально, как остальной мир. Верне трудно было это принять, но она старалась оставаться сильной, потому что от нее зависели сестры.

Когда лорд Рал одержал победу над императором Сулаканом и отправил машину предсказаний Регулу в подземный мир, которому она и принадлежала, все пророчества исчезли. Звезды переместились, и магия во всем мире изменилась. Ричард Рал счел, что это к лучшему.

Но орден сестер Света внезапно превратился в корабль без штурвала, паруса которого изорвал бушующий шторм изменившейся действительности. Они посвятили несчетные столетия и жизни изучению и толкованию пророчеств, но теперь все эти усилия оказались напрасными. Возвращение в Танимуру было горьким напоминанием о том, насколько все переменялось.

Верна пришла на юг с отрядом солдат д'Харианской армии, которым лорд Рал поручил укрепить империю. Она часто путешествовала по своим нуждам, иногда в сопровождении сестер, если предстоял долгий путь, а иной раз скрытно. На этот раз аббатису сопровождал настоящий военный эскорт, и она ехала на прекрасном скакуне. Во время ее первого путешествия с Ричардом Ралом, когда она забрала его на обучение во Дворец Пророков, он научил ее заботиться о своей лошади.

Но даже верхом путешествие из столицы Д'Харианской империи заняло больше десяти дней. Солдаты — особенно энергичный молодой капитан по имени Норкросс — всячески заботились о комфорте аббатисы, хотя она привыкла довольствоваться малым. Норкросс следил, чтобы ее палатку ставили должным образом, чтобы постель была мягкой и сухой и чтобы Верна первой получала порцию из походной кухни.

За несколько дней путешествия Верна поняла, что рвение капитана отчасти обусловлено тем, что его младшая сестра Эмбер недавно стала послушницей сестер Света. Хотя Верна была аббатисой ордена, она мало знала об этой девушке. За последние годы произошло так много потрясений...

Она ехала на черной кобыле рядом с капитаном Норкроссом. Преодолев подъем, они начали спускаться по укатанной дороге к окрестностям Танимуры, и она увидела раскинувшийся на берегу город, зелено-голубой полумесяц гавани и многочисленные корабли, рассекающие морские просторы.

Она уже не в первый раз возвращалась в Танимуру. Когда она искала Ричарда, то провела двадцать лет вдали от Дворца Пророков и его препятствующих старению чар, вплетенных в структуру дворца. В итоге она нашла Ричарда и убедила — на самом деле, вынудила — отправиться во дворец, где сестры обучат его обращаться с даром.

Это дало толчок столь многим масштабным событиям... ради исполнения пророчества. Но теперь пророчеств не существовало.

— Прекрасный вид, аббатиса, — сказал Норкросс. — Я вырос в окрестностях Эйдиндрила и никогда не видел океана. Как корабли не теряются в этой водной пустыне?

— Капитаны обладают особой магией, — сказала Верна, — которую некоторые называют навигацией. Но вам ведь и не нужно отправляться в дальнейшее плавание, капитан?

— Да, мы здесь, чтобы основать гарнизон. Генерал Зиммер уже занял несколько крупных зданий на береговой линии и сейчас укрепляет их, чтобы там могли разместить пятьсот или даже тысячу новопривывших солдат. И это только начало. — Рыжеволосый капитан улыбнулся, и она заметила, что кривоватый левый клык придает мужчине плутоватый вид. — Теперь, когда Имперский Орден побежден, мы обоснуем гарнизоны вдоль побережья и по всему Древнему миру.

Верна поджала губы.

— Это лучший способ проследить, что новые тираны не обретут власть.

Вдоль дороги попадались сосны, но многие холмы были вырублены — деревья пошли на дрова и строительные материалы. Они ехали вперед по жаре. Верне хотелось отдохнуть в тени и перекусить, но еще сильнее ее тянуло в Танимуру, домой...

Они ехали по изрезанной колесами дороге, когда она услышала неровный грохот лошадиных копыт, и их обогнала колонна из сотни д'харианских солдат.

На окраине города они увидели загоны для овец и коз, большие приусадебные участки, сады со старыми яблонями и грушами. Ближе к городу дома располагались теснее. Одни жилища были неухоженными и ветхими, а в других явно жили семьи, которые считали, что даже хижина должна быть чистой и отремонтированной, поскольку это их дом. Люди выходили посмотреть на солдат под знаменами Д'Хары. Капитан Норкросс поднял руку в кольчужной перчатке и помахал им.

Верна с прямой спиной сидела на черной кобыле, глядя на улыбающихся людей и чувствуя себя неуютно. Ее карие глаза по-прежнему блестели, хотя во взгляде начал отражаться возраст; волнистые волосы еще оставались каштановыми, хоть и с редкими седыми прядями. Она обнаружила это, когда разглядывала себя в зеркале. Годы давили на нее не только из-за времени, но и из-за немалой ответственности.

Она знала минимум о десяти сестрах, прибывших в Танимуру раньше нее и надеявшихся вернуться во Дворец Пророков. Сердце аббатисы Верны тоже стремилось туда, но, когда она посмотрела за линию берега на плоский бурый остров Халзбанд, ее сердце наполнилось болью.

На острове, к которому вел мост через реку Керн, когда-то стоял поистине колоссальный дворец — древнее строение, способное посоперничать в размерах с Заком Волшебника или Дворцом Исповедниц в Эйдиндриле. Но дворец сравнялся

с землей, когда Ричард разрушил его, задействовав встроенную магическую сеть. Эта катастрофа уничтожила препятствующие старению чары, защитные сети, бесчисленные залы и коридоры, башни, библиотеки, хранилища под ним. Дворец Пророков просто рассыпался. Ричард сделал это, чтобы спасти от Джеганя хранящиеся там бесценные знания. Злой сноходец мог использовать их, чтобы сокрушить мир.

В той неразберихе пророк Натан каким-то образом смог сбежать, освободившись от железного Рада-Хань на шее, и сымитировать собственную смерть. Он ускользнул от предшественницы Верны, аббатисы Энн. Верна не хотела такой ответственности и предпочла бы вернуть ее Энн.

— Остров выглядит таким пустым, — сказала она. — Кто-нибудь исследовал руины дворца?

— Лучше спросите генерала Зиммера, — ответил Норкросс. — Я там не был, но слышал, что там даже руин не осталось. — Его улыбка превратилась в гримасу. — Там нет... ничего.

Копыта их лошадей цокали по брусчатке улиц Танимуры. На площадях, мимо которых они проезжали, дети взбирались на стены зданий и вешали знамена Д'Хары. Маленькие собаки лаяли на длинный строй солдат из укрытия переулков, но д'харянские лошади были вышколены не хуже своих всадников, поэтому даже не вздрагивали.

Норкросс продолжал махать рукой, крича людям:

— Мы приехали передать поздравления и добрые пожелания от лорда Рала.

— Лорд Рал, лорд Рал! — скандировали люди на улицах, махая руками.

Верна знала, что здесь, на юге, люди столкнулись с гнетом Имперского Ордена и приветствовали победу Ричарда. Но их не затронула недавняя война с бездушными полулюдьми во главе с Ханнисом Арком и императором Сулаканом.

Когда они, наконец, добрались до набережной, Верна вдохнула соленый воздух и улыбнулась, глядя на оживленную га-

вань. Возле причалов поскрипывали двухмачтовые и трехмачтовые корабли. Торговцы рыбой, продавцы ракушек и разнообразных экзотических предметов соперничали за внимание прохожих. Разукрашенные женщины в полупрозрачных нарядах высывались из окон борделей и флиртывали с солдатами. Они были уверены, что скоро их дела пойдут в гору.

Верна заметила штаб гарнизона, построенный на месте нескольких складов на причале. Штаб был огорожен частоколом из свежетесаной древесины. Капитан Норкросс сообщил, что теперь у солдат есть новые просторные казармы в гарнизоне, но многие постоянные дворы и большие склады тоже готовы вместить возросший воинский состав. Длинная конная колонна еще двигалась по набережной, но часовые на стенах гарнизона уже затрубили в рог, созывая солдат на построение. Ворота в частоколе распахнулись, и навстречу колонне вышли солдаты в доспехах.

Лошади легким галопом проскакали в гарнизонный двор, а солдаты выстроились по сторонам, приветствуя их. Капитан Норкросс соскочил со своего серого в яблоках коня и принял поводья черной кобылы Верны.

— Я помогу вам спешиться, аббатиса. Генерал Зиммер захочет увидеть вас прямо сейчас.

— Вы переоцениваете мое влияние. Я всего лишь гостя, — сказала она. — Его больше должно волновать, как разместить в гарнизоне ваших людей.

— Добрые духи, аббатиса, иногда вы говорите удивительные вещи! — рассмеялся Норкросс. — Разве вы не понимаете, как важны?

Верна прикусила язык, думая о том, что принципы ее ордена превратились в песок с исчезновением пророчества. Дворец Пророков превратился в воспоминания и кучу камней.

— Теперь я не так важна, как вам кажется.

Еще одна игла вонзилась в ее сердце, когда она подумала об Уоррене, который сначала был ее учеником, а затем любимым мужем. Его смерть стала для нее ударом.

Иногда она думала, что участь вдовы гораздо труднее, чем пост аббатисы сестер Света.

Когда Ричард спустился в подземный мир, пойманный в ловушку на сумеречной грани смерти, он поговорил с духом Уоррена и передал Верне весточку, которая была ей дороже любого пророчества. Но это было только ее сообщение, и она хранила его в своем сердце, завернув в полотна памяти. Сейчас она была одинока, но у нее было много работы. Она вернулась в Танимуру, и у нее были определенные обязанности.

Среди собравшихся во дворе солдат она заметила платья — красные, зеленые, голубые. Это были сестры Света, которые прибыли раньше нее. Одна послушница казалась совсем девочкой, слишком юной, чтобы иметь какие-либо обязанности или обучаться у сестер.

— Эмбер! — закричал Норкросс и со смехом поспешил вперед.

Темно-русые локоны обрамляли лицо Эмбер и ниспадали ей на плечи. Ее темно-синие глаза блестели и искрились от смеха, как и ее голос.

— Ты явно наслаждался неспешным путешествием, братец. Я чуть не оставила тебя, чтобы найти другого мужчину, который будет обо мне заботиться.

— На тебе будет счастлив жениться кто угодно, Эмбер, — сказал он. — Но ты еще слишком маленькая.

— Я сестра Света и горжусь этим, — ответила девочка, а потом вдруг заметила, что на нее смотрит Верна. Она побледнела и залепетала: — Простите, аббатиса. Мне не следовало вести себя столь легкомысленно в вашем присутствии.

Верна по-матерински взглянула на нее:

— Дитя, сестры не настолько угрюмые и занятые наукой, чтобы избегать счастья. Наслаждайся воссоединением с бра-

том. — Она понизила голос, говоря скорее с собой, чем с молодой послушницей. — Добрые духи, мы пережили достаточно боли. Мы должны дорожить теми радостями, что нам выпадают.

— Аббатиса Верна! — прогудел чей-то бас. — Я рад, что вы охраняли моих солдат на пути сюда.

Повернувшись, Верна увидела генерала Зиммера, молодого мужчину, с которым она познакомилась, когда он был гораздо ниже рангом. Сейчас ему было всего тридцать лет, но из-за больших потерь среди командования в последней войне Зиммер неожиданно вырос в звании — намного выше собственных ожиданий. Его сердце и разум были сильны, и он принимал на себя долг всякий раз, когда гиб один из вышестоящих офицеров, оставляя ему свою должность. У Зиммера были темные волосы и толстая шея, но когда он улыбался, то выглядел гораздо моложе своих лет.

Устремившись вперед, он предложил ей руку и повел в свой кабинет в двухэтажном штабе, окруженном стеной. Здание было построено из свежесрубленных сосновых бревен, ошкуренных и подогнанных друг к другу. Они все еще распространяли запах леса, напоминавший ей о весне. Рабочие на крыше приколачивали деревянную обрешетку кровли. Внутри огороженной забором территории рядом с тренировочной площадкой расположились ряды брезентовых палаток, в которых солдаты жили, пока строились деревянные бараки. Шум от пил и молотков был таким же громким, как и выкрики солдат, занимавшихся учебными построениями.

Зиммер привел ее в кабинет на верхнем этаже. Через открытые большие окна внутрь залетал морской бриз. Сырые половицы заскрипели под их ногами, и Верна присела на предложенный деревянный стул перед столом генерала.

— Я распорядился приготовить чай, как только заметил ваше приближение, аббатиса, — сказал генерал. — Он поможет взбодриться и настроиться на разговор. — Он почесал щеку,

на которой уже пробивалась щетина, хотя полдень едва миновал. Он крикнул своему адъютанту, и тот поспешил в кабинет, неся дымящийся горшок, две фарфоровые чашки и небольшую банку меда. — Думаю, после долгой дороги вас порадует это маленькое удовольствие.

— Меня не нужно баловать, генерал, — сказала Верна, хотя и была очень благодарна за чай.

— А кто мне запретит? — Он наполнил чашку сначала Верне, затем себе, и щедро положил меда. — Иногда такие мелкие блага цивилизации напоминают нам, за что мы сражаемся.

Она улыбнулась и сделала глоток.

— Тогда выпьем чаю с медом — за Д'Хару!

— За Д'Хару! — Хотя он стал служить в очень молодом возрасте, Зиммер уже приобрел манеры бывалого военного. Он сразу перешел к делу. — Вы принесли вести из Народного дворца? Люди спрашивают, собирается ли лорд Рал посетить Танимуру.

— Я ничего не знаю о планах лорда Рала. Ему нужно управлять империей, и, я уверена, у него много неотложных дел.

Генерал задумался.

— Однажды он сказал мне, что Д'Харианская империя охватывает весь мир, но откуда нам знать, насколько он огромен? Откуда ему знать? Хотя мое путешествие в Танимуру прошло без происшествий и этот гарнизон безопасен, я видел карты с прибрежными городами и даже краткие отчеты о дальних территориях Древнего мира — о городах, Призрачном берегу и островах. Может, пока что мы видим лишь одну песчинку на огромном пляже.

Верна кивнула:

— Возможно, так и есть, генерал. Найдутся исследователи, найдутся послы. Мы узнаем этот мир и удостоверимся, что золотая эпоха лорда Рала коснется всех.

Зиммер улыбнулся, будто только и ждал этих слов.

— Кстати говоря, аббатиса, у меня есть новость, которая может вас заинтересовать. Натан Рал, волшебник и пророк, был в Танимуре несколько месяцев назад.

Натан? Верна удивилась.

— Он больше не пророк. Пророчества больше не существуют.

Зиммер ничуть не обиделся на поправку.

— Пусть так, но этому человеку нравятся его титулы. Он был с Никки. Они уплыли из Танимуры на трехмачтовом галеоне, «Бегущем по волнам».

Верна всегда поражалась, слыша о бывшей сестре Тьмы и том, как она изменилась. Никки провела бок о бок с Верной во Дворце Пророков много лет, но тайно служила Владетелю. Колдунья многое сделала для уничтожения ордена, как и Ричард Рал. Она изменилась. Никки, когда-то называвшаяся Госпожой Смерть, теперь была одним из самых верных союзников Ричарда.

Губы Верны изогнулись в рассеянной улыбке.

— Я знала, что лорд Рал отправил их вместе, но удивлена, что Никки осталась с Натаном. Вот уж не думала, что они станут хорошими попутчиками.

— Солдаты выполняют свой долг, — сказал Зиммер. — Натан и Никки не солдаты, но у них общая цель — помочь делу лорда Рала.

— Когда они уплыли и куда направились? — спросила Верна.

— На юг. С тех пор от «Бегущего по волнам» не было вестей. Видимо, они отправились исследовать земли, о которых мы ничего не знаем, встречаться с местными правителями и рассказывать им о лорде Рале. Возможно, они заключают договоры или соглашения. У них много работы.

Он снова наполнил чашки чаем. Верна добавила немного меда, перемешала и сделала глоток. Чай был удивительно хорош для сурового военного гарнизона.

Лицо Зиммера потемнело.

— Хотя Джегань побежден, а Имперского Ордена больше нет, многие земли не исследованы и неподконтрольны нам. Судя по всему, Древний мир — благодатная почва для тиранов.

Верна обхватила пальцами чашку, чувствуя ее тепло и наслаждалась ощущением безопасности. Она сидела напротив отважного солдата, вдыхала запах свежей сосны и смотрела на яркий солнечный свет в окне.

— Даже если там дюжина новых тиранов, я все равно ставлю на Никки, — сказала она.

Список произведений Терри Гудкайнда

МЕЧ ИСТИНЫ

- Первая исповедница (2012)
Долги предков (1998)
Первое правило волшебника (1994)
Камень слез (1995)
Защитники паствы (1996)
Храм Ветров (1997)
Дух огня (1999)
Вера падших (2000)
Столпы Сотворения (2002)
Голая империя (2003)
Огненная цепь (2005)
Призрак (2006)
Исповедница (2007)
Машина предсказаний (2011)
Третье царство (2013)
Разлученные души (2014)
Сердце войны (2015)

ДЕТИ Д'ХАРЫ

- The Scribbly Man (2019)
Hateful Things (2019)
Wasteland (2019)
Witch's Oath (2020)
Into Darkness (2020)

ХРОНИКИ НИККИ

- Госпожа Смерть (2017)
Саван вечности (2018)
Осажденные камнем (2018)
Heart of Black Ice (2019)

ТРИЛЛЕРЫ

- Скверна (2016)
Девочка с Луны (2018)
Отродье (2018)
Шальная Ванда (2018)

НОВЕЛЛЫ

- Закон девяток (2009)
Небесные люди (2019)

Оглавление

Глава 1.....	5
Глава 2.....	12
Глава 3.....	20
Глава 4.....	28
Глава 5.....	34
Глава 6.....	43
Глава 7.....	49
Глава 8.....	56
Глава 9.....	64
Глава 10.....	71
Глава 11.....	81
Глава 12.....	86
Глава 13.....	91
Глава 14.....	102
Глава 15.....	108
Глава 16.....	119
Список произведений Терри Гудкайнда	129